

П. В. Крылов

Гуситское движение — война «за свободу закона Божия»

1. «Четыре Божьи истины»: формирование программы

История гуситского движения охватывает несколько десятилетий. Некоторые исследователи считают его первой датой 1402 г., когда Ян Гус получил место проповедника в Вифлеемской часовне (построенной в 1391 г.) для чтения проповедей по-чешски. Другие прослеживают начало идей церковной реформы с середины XIV в.: с деятельности в Чехии Яна Милича из Кромержижа, Матея из Янова и Конрада Вальдгаузера. Третьи полагают, что собственно движение началось только после сожжения Яна Гуса в Констанце 6 июля 1415 г. Лаврентий из Бржезовой, автор «Гуситской хроники» — одного из важнейших источников по истории движения¹ — начинает свое изложение с 1414 г., с момента, когда по инициативе магистра Якоубека из Штржибра в церквях св. Адальберта (Войтеха) в Новом Городе², св. Мартина в стене, св. Михаила, а также и в Вифлеемской

¹ *Лаврентий из Бржезовой. Гуситская хроника* / Изд. Й. Мацек; пер. с чешск. В. С. Соколова. М., 1962.

² В XV в. Прага состояла из нескольких частей: крепостей Град и Вышеград, а также самостоятельных поселений — Старый Город, Новый Город и Мала Страна.

часовне мирян начали причащать под обоими видами — хлебом и вином. Через несколько лет именно причастная чаша — «калих» — превратится, пожалуй, в главный символ движения, а причащение мирян из нее станет основным критерием, отделяющим своих от чужих как в гуситском, так и в католическом лагерях.

Тема «закона Божия» была одной из центральных в проповедях Гуса и его менее известных последователей. Впрочем, до лета 1419 г. никакого более или менее четкого представления о его содержании, не говоря о способах утверждения, обнаружить не удастся. Хождения на горы, вызванные ростом эсхатологических настроений, пражское восстание 30 июля, вызванное слухами о готовящихся нападениях на церкви, в которых причащали под обоими видами, и случившаяся на фоне восстания смерть короля Вацлава IV (16 августа) серьезно изменили общественно-политическую обстановку в Чехии. Во-первых, наследником покойного монарха являлся его брат Сигизмунд, император Священной Римской империи, которого очень многие считали ответственным за вынесение смертного приговора Гусу. Нежелание принимать Сигизмунда в качестве короля было, с одной стороны, объединяющим фактором для разнородных групп гуситов; с другой же — оно побуждало их всех каким-то образом сформулировать свой отказ считать притязания наследника короля Вацлава легитимными и обозначить условия, на которых они были готовы разговаривать с потенциальными претендентами на престол. Во-вторых, в условиях фактического отсутствия королевской власти на авансцену чешской истории выходят новые силы: объединения городов, среди которых основным стал союз, возглавляемый Прагой, и выросшие из «поднявшихся на горы» в ожидании конца света общины; получившие прозвище «табориты». (Табор — название библейской горы Фавор по-чешски.) И те, и другие оказались перед необходимостью сформулировать свои чаяния, главным образом для того чтобы обозначить возможные границы маневра в своих взаимоотношениях как с другими гуситскими группировками, так и с теми, кто остался верен католическому вероисповеданию.

Поэтому именно после 1419 г. один за другим появляются более или менее пространные документы, объединяемые в историографии под названием «гуситских программ», центральным мотивом которых стало «водворение закона Божьего» в Чешском королевстве. Понимание этого «закона» в целом остается не особенно определенным: где-то оно конкретизируется, где-то, напротив, размывается. Но с этого года и до подписания мирных соглашений в 1436 г. понятие «закон Божий» постоянно присутствует в документах как цель гуситского движения. Если мы хотим прояснить его содержание, необходимо обратиться к текстам того времени.

Год 1419 стал важнейшим рубежом перехода гуситства от вполне еще мирной проповеди исправления ограниченного числа недостатков церковной жизни к вооруженной борьбе. Он начинается с попытки Вацлава IV (король Чехии в 1378–1419 гг.) ограничить распространение гуситства, что было вызвано давлением Констанцского собора и Сигизмунда Люксембургского (король Венгрии в 1387–1437 гг., многолетний претендент на императорский престол, император в 1433–1437 гг.). 25 февраля чешский король запрещает повсюду, кроме трех пражских церквей, причащение под обоими видами, после чего, как писал хронист Лаврентий из Бржезовой, народ устремляется на горы. 22 июля, в день праздника св. Марии Магдалины, на горе возле Бехине собралось более сорока тысяч человек. Свидетель описал действие следующим образом: там «с великим благоговением причащали простой народ святой евхаристии, особенно же в дни праздничные, в то время как противники такого причащения в близлежащих храмах не разрешали так причащать простой народ»³. Между этими событиями, 6 июля, король назначил новых пражских коншелов (советников городского магистрата), известных отрицательным отношением к гуситству. Подобные назначения были проведены им весной–летом и в других городах. Назревавший конфликт вырвался наружу 30 июля, после религиозной процессии гуситов, когда толпа под предводитель-

³ Лаврентий из Бржезовой. Гуситская хроника. С. 42 (гл. 16).

ством Яна Желивского и Жижки захватила ратушу и выбросила рихтаржа (городского судью) и нескольких коншелов из окон. Короля хватил удар, от которого он скончался 16 августа. Всё это время в Праге бушевало восстание, перекинувшееся на другие города. От него пострадали многие монастыри и церкви. После некоторого затишья в начале сентября ситуация вновь обостряется, что было вызвано новыми собраниями на горах (17 сентября на Бзи и 30 сентября на Кржижках), участники которых в начале октября сходились в Праге. 6 октября вдова короля София, несколько панов и четыре города заключают союз против Праги и занявших столицу толп. Однако в середине ноября пражане заключают перемирие с недавними противниками, которые покидают Прагу, и конец года проходит спокойно.

Три документа, в которых нашли отражение события 1419 г., могут считаться программными:

1. Манифест гуситов, сошедшихся 17 сентября 1419 г. на горе Бзи в южной Чехии⁴.
2. Листовка, написанная явно хилиастами (представителями радикального направления в гуситстве), которую датировал этим же годом Франтишек Палацкий⁵.
3. Статьи, поданные некоему «нашему королю новому, пану милостивому». Под не названным по имени «новым королем», вне всякого сомнения, подразумевается Сигизмунд Люксембургский, на что указывает упоминаемый в первой статье «доброй памяти его брат, король Вацлав». Последний документ сохранился в двух не совпадающих по числу статей списках, соотношение и датировка которых вызывают немало споров.

Манифест, изданный от имени участников сходки на горе Бзи, зовет сторонников чаши на новый сход — на горе у Кржижков, упомянутый в хронике Лаврентия из Бржезовой⁶. В преамбуле декларируется, что «наши на горах и полях сходы посвящены только одному: свободному слушанию вечной

⁴ Archiv Český / Ed. F. Palacký. Praha, 1844. Dil. III. S. 205.

⁵ Ibid. Dil. VI. S. 43–44.

⁶ *Лаврентий из Бржезовой*. Гуситская хроника. С. 45–46 (гл. 20).

и спасительной истины, что кроется в законе Божьем и найдос-
тойнейшему и надлежащему причащению святых плоти и кро-
ви Господа нашего спасителя Иисуса Христа»⁷. Следующий
сход, к которому они призывают своих верных на Кржижки,
будет посвящен тому же делу⁸, подобно первым сходкам лета
1419 г., упомянутым Лаврентием из Бржезовой⁹. Собственно,
и на горе у Кржижков в конце сентября того же года, «выслушав
от священников несколько проповедей с призывами возлюбить
друг друга во Христе и мужественно бороться за правду Божью,
с большим усердием причащались телом и кровью Христовы-
ми»¹⁰. В то же самое время манифест собравшихся на горе Бзи
содержал еще одно достойное внимания место: «Чтобы явные
преступления и смуты были бы определены и искоренены с по-
мощью Господа Бога, короля, панов, рыцарей и паншей, и всей
общины христианской»¹¹. В свое время оно дало основания для
противоположных трактовок. Консервативный католический
автор Йозеф Пекарж, ссылаясь на манифест, утверждал, «что
участники сходки не отвергали общественной иерархии»¹², тог-
да как его последовательный оппонент Й. Мацек увидел нечто
иное: «Впервые в нашей истории сельский люд заявил о своем
намерении выступить против всех общественных несправед-
ливостей бок о бок с высшим и низшим дворянством <...>»¹³.
Остается, впрочем, неясным, какой источник позволил ему су-
дить о социальном составе участников сходки и утверждать, что

⁷ Archiv Český. Díl. III. S. 205.

⁸ «Чтобы обсуждать, каким образом закон Божий в чешском королев-
стве мог бы обрести свободу» (Ibid. S. 206).

⁹ *Лаврентий из Бржезовой*. Гуситская хроника. С. 42 (гл. 16).

¹⁰ Там же. С. 46 (гл. 20).

¹¹ Archiv Český. Díl. III. S. 205–206. Ср.: *Мацек Й.* Табор в гуситском рево-
люционном движении. М., 1956. Т. I. С. 328. Несколько ниже, на с. 350,
исследователь, напротив, ассоциировал общину с городскими ре-
месленниками и беднотой. В целом же отождествление собравшихся
на горе Бзи с сельским людом мне кажется необоснованным, равно как
подобная трактовка выражения «вся община христианская».

¹² *Pekař J. Žižka a jeho doba*. Praha, 1992. S. 175.

¹³ *Мацек Й.* Табор в гуситском революционном движении. Т. I. С. 328.

«на Кржижках произошла блестящая демонстрация единства всего сельского населения»¹⁴. По словам Й. Мацека, дворянство и сельское население, разделяя общие представления о социальной несправедливости, имели общие цели. Это предположение кажется более вероятным, чем утверждение Иржи Кейржа о том, что «еще в 1419 г. крестьянство проявило себя как революционный класс, который видит свою задачу в свержении существующего строя». Подчеркиваемое Кейржем «требование радикалов, чтобы в обществе людей существовал один только закон Божий»¹⁵, вовсе необязательно трактовать как призыв к революции. В нем можно усмотреть призыв к улучшению существующих отношений между людьми, а не к ломке сложившегося общественного порядка. Не стоит отождествлять состав участников хождений на горы и городских волнений. Первые до середины осени 1419 г. были вполне мирными, вторые же уже с конца июля сопровождались актами насилия — погромами монастырей.

Во втором документе — листовке — читаем: «Именно в те времена давал Христос своим верным указание, дабы бежали не только грехов, но и общества злых людей <...> и говорил им: Бегите к горам, т. е. к правоверным людям, что возвышаются в своей надежде, любви и уповании надо всем и надо всеми»¹⁶. Очищение должно производиться покаянием, постом и добрыми делами. Нечестивых, по мысли хилиастов, должен покарать сам Господь¹⁷.

В этих первых памятниках гуситских программ главным требованием было причащение из чаши. Чаша была символом закона Божьего, причащение из нее мирян — его содержанием. Прочие требования не были еще ясно сформулированы и становились более конкретными в ходе последующих споров с противниками.

¹⁴ Там же. С. 331.

¹⁵ *Kejř J. Voj o státní formu v husitském revolučním hnutí // Pivdennočeský historický sborník. 1956. T. 2. S. 140–141.*

¹⁶ *Archiv Český. Díl. VI. S. 41.*

¹⁷ *Ibid. S. 43.*

Третий документ — самый известный. Написанный на чешском языке, он хранится в венской Национальной библиотеке и впервые был опубликован Ф. Палацким в 1844 г.¹⁸ Список требований состоит из 23 статей и является самостоятельным документом. Существует иная его редакция, которую воспроизвел в своем сочинении майнцкий купец Эберхард Виндеке, долгие годы состоявший на дипломатической службе у императора Сигизмунда и объездивший пол-Европы по его поручениям. Отойдя от дел и обосновавшись в Майнце, в начале 1430-х годов он начал работу над хроникой, в текст которой включил изрядное количество писем, реляций и других документов. Как отмечает Й. Пекарж, он делал это без существенных искажений¹⁹. Текст Э. Виндеке, написанный по-немецки, однако, несколько отличается по содержанию от чешской редакции и короче ее, он состоит из 18 статей²⁰.

Многое в документе, начиная с его датировки, вызывает разногласия среди исследователей. В чешском документе дата отсутствует, однако Э. Виндеке сопроводил статьи пояснением: «Это кондиции, представленные Сигизмунду Венгерскому чешскими панами вскорости после смерти его венценосного брата короля Вацлава (alsbalde konig Wenclaus starp)», т. е. после 16 августа 1419 г. Стоит отметить, впрочем, что информация о статьях следует в хронике за рассказом о неудачной осаде Праги войсками Сигизмунда летом 1420 г. Получается, что Э. Виндеке отступил от более или менее строгого хронологического порядка своего повествования, скорее всего, желая использовать упущенный им ранее важный документ, что и заставило его сделать оговорку: статьи появились вскоре после кончины прежнего чешского короля²¹. Так королевский агент, видимо, указал читателю, что они появились на свет до крестового похода против гуситов (объявлен 17 марта 1420 г.), о кото-

¹⁸ Archiv Český. Dil. III. S. 206–208.

¹⁹ Pekař J. Žižka a jeho doba. S. 149.

²⁰ Eberhard Windeckes Denkwürdigkeiten zur Geschichte des Zeitalters Kaiser Sigmunds / Ed. W. Altmann. Berlin, 1893. S. 121–124.

²¹ Ibid. S. 121.

ром только что было рассказано. За *alsbalde*, таким образом, может крыться временной отрезок длительностью в полгода. Тем не менее большинство исследователей датируют статьи концом августа – началом сентября 1419 г. Эта датировка представляется мне спорной.

Приблизительно половина текста «23 статей» посвящена церковной реформе: «Чтобы его королевское величество даровал свободу закону Божию и слову Его, и особенно причащению плотию и кровию Его всему народу христианскому, каковую свободу его блаженной памяти брат король Вацлав некогда допустил» (ст. 1). Препятствующий причащению вином должен быть изгнан из города (ст. 2), согласно ст. 6 запрещается торговля индульгенциями. Под страхом изгнания запрещается называть еретиками Яна Гуса и Иеронима Пражского (ст. 7).

Несколько статей посвящено поддержанию мира и спокойствия в стране, правам и привилегиям короны и ее подданных. Изгнанные Вацлавом «из страны либо из города» не должны быть возвращены (ст. 8). Против кого была нацелена эта статья, трудно сказать. Пожалуй, к изгнанным можно отнести, и то с большой натяжкой, магистров, покинувших Прагу после издания Кутногорского декрета 1409 г. «Иноземцы не должны занимать должности, а особенно в тех городах, где власть может принадлежать чехам; жалобы и судебные протоколы следует писать по-чешски, а чехи чтобы имели право первого голоса повсюду в королевстве и в городах» (ст. 9). Что означает уточнение «где власть может принадлежать чехам»? Быть может, этой оговоркой составители требований намеревались успокоить население городов, где преобладали немцы, дав понять, что их положение не изменится?

Одна из статей (ст. 17) запрещала проституцию внутри городских стен, а следующая (ст. 18) требовала, «чтобы евреи, живущие в королевстве, не могли получить денег за какое бы то ни было отданное в заклад имущество, если оно не было предъявлено поставленным на то присяжным; дабы ворованное и награбленное имущество не могло попасть к евреям и таким путем исчезнуть». Борьбу с еврейским ростовщичеством

в средневековой Чехии начинали не раз, но стоит отметить от-носительную мягкость предполагаемых в документе мер: ростовщические операции должны были быть всего лишь поставлены под более строгий контроль.

В трех статьях, замыкающих документ, короля просили, во-первых, сохранить в силе введенные во время междуцарствия постановления (ст. 21, с нею по содержанию перекликается ст. 16); во-вторых, защищать все земские и городские права и привилегии (ст. 22) и, наконец, издать маестат, подтверждающий «23 статьи».

До 1418–1419 гг. шляхта была единственным сословием, расколотым по вопросу о церковной реформе: как ее сторонники, так и противники были в основном шляхтичами. Теперь сторонники и противники объявились в среде бюргерства, крестьянства, а также городских низов, как видно из документов 1419 г.²² Квинтэссенцией реформы для всех была чаша. В статьях нашлось место требованиям отдельных сословий и корпораций, а также главной тогда цели всех гуситов — добиться разрешения причащаться под обоими видами. Рассчитывая таким образом достичь в поддержке статей согласия разных сил в рамках «общины земли Чешской», составители, по всей видимости, надеялись, что это единство заставит короля пойти на уступки. Это объективно соответствовало ситуации временного затишья, наступившего позднее осенью 1419 г.

«23 статьи» — программа общегуситская, и можно утверждать, что она является также программой умеренной; какие бы то ни было хилястические мотивы в ней отсутствуют. Покинувшие Прагу радикалы, по-видимому, не были с ней согласны, но их влияние в те дни было, очевидно, столь незначительно, что не могло привести к сдвигам в общем настроении, которое было вполне умеренным.

В документе впервые были сформулированы требования, не раз звучавшие впоследствии в гуситских текстах. Тем не менее отдельным статьям было суждено в дальнейшем исчезнуть из них или быть замененными на другие.

²² Так же как, впрочем, и приверженцы традиционного причащения.

Манифест, изданный пражанами 20 апреля 1420 г., – следующий после «23 статей» документ, декларирующий основные цели гуситов. Время, отделявшее его появление от «23 статей», было полно событий первостепенной для судеб гуситского движения важности, оказавших влияние и на эволюцию программ.

Начало 1420 г. ознаменовалось наступлением сторонников Сигизмунда на позиции гуситов. Король, как сообщает Лаврентий из Бржезовой, повелел земским чинам всячески преследовать сторонников причащения чашей, несмотря на то что жители столицы по возвращении 4 января пражской делегации из Брно подчинились выдвинутому королем условиям. Кутногорские горожане, в свою очередь, не думали прекращать казни пленных гуситов²³. О соблюдении перемирия от 13 ноября 1419 г., таким образом, не было речи, так же как и о согласии королевской партии на признание «23 статей». Хотя документального подтверждения того, что, как писала Л. П. Лаптева, «король Сигизмунд отверг условия с презрением»²⁴, обнаружить не удастся, ход событий убеждает в этом. Захват Усти Сезимова, от которого нередко ведут отсчет истории Табора, произошел только 21 февраля, а таборитская община формально возникает там более месяца спустя, когда на сходе братьев было решено разрушить Усти, переселиться на гору Градиште и избрать четырех гетманов. В те же дни булла папы Мартина V “*Omnium plasmatoris domini*”, призывающая всех истинных христиан к «искоренению гуситов, уиклифитов и прочих еретиков»²⁵, была издана 1 марта во Флоренции, по всей видимости, до того, как судьба Усти могла стать известной римскому понтифику, и совершенно определенно раньше, чем ему донесли о возникновении оплота радикального гуситства на Таборе. Таким образом, мысль об организации крестового похода для подчинения гуситов силой не была реакцией на действия хилиастов. 17 марта 1420 г. булла была зачитана легатом Фердинандом на сейме во Вроцлаве, всего через два дня после казни

²³ Лаврентий из Бржезовой. Гуситская хроника. С. 54–56 (гл. 26–27).

²⁴ Лаптева Л. П. Гуситское движение в Чехии XV в. М., 1990. С. 46.

²⁵ Цит. по: Palacký F. Dejiny narodu ceskeho. Praha, 1968. Dil. III. S. 202.

пражского купца гусита Яна Красы. Ф. Палацкий отмечал, что булла имела в странах Европы чрезвычайно широкий резонанс²⁶, хотя новости о последних событиях в Чехии там еще не были известны. Булла была направлена против умеренных. Требования «23 статей» король считал неприемлемыми, а их сторонников — заслуживающими наказания мечом. Тому подыскивали разные причины: «классовая ненависть феодалов» и религиозный фанатизм Сигизмунда, давление немцев или Рима.

В свою очередь, «узнав, что король венгерский Сигизмунд не имеет никаких хороших намерений по отношению к ним и к другим сторонникам истины», пражане ответили тем, что, «сбравшись в ратуше Старого Города со священниками и магистрами, борцами за причащение чашей, связали себя клятвой: всем своим имуществом и телом до последней возможности защищать и охранять причащение чашей против всякого, кто бы ни стал противодействовать ему»²⁷. Для этого они выбрали четырех гетманов, которым поклялись повиноваться. Так впервые в ходе гуситского движения было заявлено о выступлении против законного наследника чешской короны, тогда как всего за полгода до этого авторы «23 статей» рассчитывали на его понимание и поддержку.

Манифест 20 апреля, увидевший свет две недели спустя и подписанный в числе первых панами Ченеком из Вартемберка и Олдржихом из Рожмберка, вероятно, был призван обосновать это выступление. По словам Ф. Шмагеля, впервые в официальном документе гуситов выборность чешского короля была использована как предлог, чтобы узаконить сопротивление наследнику, которого страна считала недостойным носить корону (предшествующая клятва, о которой упомянул Лаврентий из Бржезовой, не сохранилась)²⁸. Сигизмунд, говорилось в манифесте, «предал нас великому поруганию и позору перед лицом всех христиан, без нашей вины нас обвинив в еретичестве, и особенно [порицал] причащение святой плоти и крови Господней». Кроме того, он «замыслил лишить корону чешскую ее

²⁶ *Palacky F. Dejiny narodu ceskeho. S. 215.*

²⁷ *Лаврентий из Бржезовой. Гуситская хроника. С. 62 (гл. 32).*

²⁸ *Šmahel F. Husitska revoluce. Praha, 1993. T. III. S. 38.*

прав и свобод»²⁹. В преамбуле законного короля упрекают также за то, что он не принял требования признать причащение под обоими видами и подтвердить права и свободы Чехии, что очевидно перекликается со статьями 2 и 22 в документе 1419 г.

На этом основании, равно как на том, что венгерский король не был еще признан земскими чинами Чехии и коронован, авторы манифеста призвали правителей соседних государств не считать Сигизмунда чешским королем. «Имена двоих самых могущественных чешских панов, встречающиеся в начале документа, придавали мятежу облик всесословного консенсуса. Утраквисты³⁰ тем самым стремились представить себя выразителями общих интересов обеих чешских земель»³¹. Не рассчитывая более на поддержку короля в урегулировании конфликта с церковью (см. ст. 3 в «23 статьях»), в апреле 1420 г. гуситы попытались самостоятельно добиться у нее признания своей правоты. Церковной иерархии и был адресован манифест. Подобное решение определено было следствием неблагоприятной реакции Сигизмунда на требования гуситов: обсуждать с церковью вопросы внутреннего устройства Чехии не имело смысла. Следовательно, исключаются требования, разрешения которых следовало ждать от короля, остаются только те, что заключали в себе суть предлагаемых церковных преобразований: причащение из чаши, свобода проповеди слова Божьего, «чтобы священники в своей жизни были нам примером, как то им было велено Господом и его апостолами, а после них установлено святыми отцами».

Манифест завершается такой статьей: «Стоим за общее благо чешского королевства и народа, а также за его очищение от недобрых и лживых слухов»³². По мнению Г. П. Мельникова, эта

²⁹ Archiv Český. Dil. III. S. 211.

³⁰ Умеренное направление в гуситстве, целью которого было разрешить мирянам причащаться под обоими видами. Название происходит от латинского слова “*utraque*”, что значит «под обоими». В качестве синонимов используются также термины: «чашники» и «подобой».

³¹ *Šmahel F.* Husitska revoluce. T. III. S. 38.

³² “<...> а ctwrte, o obecne dobre kralowstwie a jazyka naseho Ceskeho, a o ocistenie zle a krive powesti kralowstwie a jazyka ceskeho” (Archiv Český. Dil. III. S. 212).

статья свидетельствует, что «под влиянием католической агрессии происходила трансформация ценностей в конфессионально-политическом сознании высших слоев». Из текста воззвания от 20 апреля 1420 г. видно, что интересы «чешского языка», Чешского королевства и чешской короны для авторов так же важны, как вопросы веры. Следовательно, защита идей религиозной реформы, «правды Божьей», соотносится с защитой «общего блага языка чешского»³³. Понятие «общего блага» — сколь всеобъемлющее, столь и расплывчатое и потому привлекательное для подобного рода деклараций, могло быть адресовано не только узкому кругу сторонников гуситства. И за его появлением в тексте мог скрываться призыв не к защите реформы, но к обороне родины от агрессии.

«Если же в тех статьях обнаружится что-нибудь негодное, — отмечается в самом конце документа, — то мы не желаем того ни придерживаться, ни защищать неотступно, но во всем том стремимся совету, помощи и научению Писания святого послушны быть»³⁴. Эта фраза еще встретится нам в той или иной вариации в позднейших документах: третьейиюльской редакции пражских статей, протоколе Чаславского сейма и постановлениях синода гуситского духовенства, состоявшегося 6 июля 1421 г.³⁵

³³ Мельников Г.П. Этническое самосознание чехов и национальные проблемы в Чехии в гуситскую эпоху: (Конец XIV века — 1471 год) // Этническое самосознание славян в XV столетии. М., 1995. С. 96–97. Исследователь в своих выводах о значении апрельского манифеста опирается, по его же собственным словам, на более раннюю работу Ф. Шмагеля, см.: *Šmahel F. Idea naroda v husitskych Čechach. České Budejovice, 1971.*

³⁴ Archiv Český. Dil. III. S. 212.

³⁵ «Истинно же утверждаем мы, что если при всех этих обстоятельствах кому-нибудь покажется в нас что-нибудь плохое, то мы будем всегда в полной готовности следовать указаниям Священного Писания» (*Лаврентий из Бржезовой. Гуситская хроника. С. 101 (гл. 50)*); «<...> нам самим лично вместе со всеми нашими подданными соблюдать эти истины и осуществлять их на деле, разве только нас убедят на основании Священного Писания в чем-либо другом, еще лучше, что не смогут опровергнуть на основе Священного Писания ни пражские магистры, ни священники» (Там же. С. 212 (гл. 94)); мы «не намереваемся отменять ничего, относящегося к правильной вере в Господа нашего

Насколько эта фраза — дань дипломатической форме? Насколько ее можно считать тактическим ходом, долженствующим убедить противников в миролюбии гуситов и наличии возможности пойти с ними на переговоры? Может быть, ее следует считать обещанием, которое никто не думал выполнять? Р. Каливода высказывал предположение, что это пункт программы «гуситской правой партии», которая «вскоре (как скоро, он не уточняет. — П. К.) выступила за примирение с Сигизмундом, капитулировала перед ним и принесла в жертву своих единоверцев-радикалов в обмен на туманные обязательства устроить слушания о чаше»³⁶. Ф. Махилек предположил, что готовность отказаться от реформационных предложений присуща всем гуситам: «Требование всеобщего слушания — один из определяющих факторов в отношениях между последователями Гуса и католическим миром»³⁷, именно слушания, а не признания правоты, ибо в ходе дискуссии доводы гуситов могли быть опровергнуты, и они заранее допускали такую возможность.

На наш взгляд, в апрельском воззвании обещание отказаться от своих взглядов, если они вступят в противоречие с Писанием, необходимо понимать буквально, ибо положение пражан было, по сути дела, безвыходным. После объявления 1 марта 1420 г. крестового похода у них не было уверенности в способности выстоять против Сигизмунда, поэтому манифест выглядит попыткой показать, что их выступление вызвано только обидой на незаслуженное обвинение со стороны короля. Эта обида могла быть забыта ими, если бы и король проявил добрую волю. О том же свидетельствуют действия пражан после публикации ими воззвания. Заключив перемирие с гарнизоном Града Пражского, они отправили к Сигизмунду в Кутну Гору посольство

Иисуса Христа, и если будем переубеждены в чем-нибудь противоположном и еще более правильном, то готовы это исправить» (Там же. С. 240 (гл. 102)).

³⁶ Kalivoda R. Husitska ideologie. Praha, 1961. S. 182.

³⁷ Machilek F. Die hussitische Forderung nach öffentlichen Gehör und der beheimstener Vertrag von 1430 // Husitství. Reformace. Renesance: Sborník k 60. narozeninám F. Šmahela / Uspor. J. Panek, M. Polivka, N. Reichtova. Praha, 1994. S. 526.

с предложением принять его в Праге как законного государя в обмен на амнистию. Сигизмунд выслушал членов посольства 15 мая, но «словно Люцифер, вознесшийся в своей гордыне»³⁸, потребовал капитуляции, чем вновь вызвал в столице негодование. Й. Пекарж, характеризуя более поздний документ — манифест пражан венецианскому правительству, увидевший свет 10 июля 1420 г., высказал мнение, что его «отличает психология осажденных», ибо он содержит нападки на противника вперемежку с заявлениями о своем стремлении решить дело миром³⁹. Нам представляется возможным распространить эту трактовку и на апрельское воззвание.

Сравнивая манифест 20 апреля с «23 статьями», следует отметить одну важную, по нашему мнению, тенденцию. Конкретные условия признания Сигизмунда чешским королем в указанном документе отсутствуют. Несмотря на это, судя по переговорам в Кутной Горе, они рассматривались в Праге в те же самые дни, когда было издано воззвание. В манифесте, как и во многих последующих гуситских программах, изложены только основные конфессиональные требования гуситов, но не политические или сословные. Последние выдвигались в других документах и обсуждались в иных условиях.

Формулировки и содержание обращений меняются в мае того же года. Все исследователи сходятся в том, что это явилось следствием вступления в Прагу отрядов таборитов 20 мая 1420 г. К их помощи было решено обратиться после неудачных переговоров с Сигизмундом⁴⁰. Последние принялись наводить в столице порядки, соответствующие тому, как, по словам Лаврентия из Бржезовой, они представляли себе закон Божий. Они

³⁸ *Лаврентий из Бржезовой*. Гуситская хроника. С. 70 (гл. 36).

³⁹ *Pekař J. Žižka a jeho doba*. S. 53.

⁴⁰ *Palacký F. Dejiny narodu českého*. S. 219; *Tomek V. V. Dějepis města Prahy*. T. VI. 2 vyd. Praha, 1906. S. 75; *Pekař J. Žižka a jeho doba*. S. 47; *Bar-toš F. M. Husitska revoluce*. I. Doba Zizkova, 1415–1426. Praha, 1965. S. 95; *Мацек Й.* Табор в гуситском революционном движении. М., 1959. Т. II. С. 305; *Kejř J. Mistři prazske univerzity a knezi taborsti*. Praha, 1981. S. 42; *Лантева Л. П.* Гуситское движение в Чехии XV в. С. 53; *Šmahel F. Husitska revoluce*. T. III. S. 43.

обрезали женщинам косы, а мужчинам сбрасывали бороды, отнимали дорогие одежды и украшения. Наконец, 25 мая таборитки разрушили женский монастырь св. Екатерины. Положение дел в столице стало напоминать лето 1419 г. Тем временем интересы борьбы с крестоносцами требовали, чтобы пражане и их новые союзники договорились о единстве действий, и в столице было восстановлено спокойствие.

Тревогу пражан и таборитов могли вызвать события в Сланах. В тот же день, 25 мая 1420 г., сторонники короля во главе с паном Вильгельмом Зайицем овладели городом, воспользовавшись недовольством части жителей таборитами. Два дня спустя, 27 мая, жители пражских городов и табориты принесли друг другу клятву. Она должна была подтвердить союз между ними, гарантией чего служило смещение прежних коншелов Старого и Нового Городов: табориты сомневались в надежности отстраненных должностных лиц.

Лаврентий из Бржезовой так передает клятву: «Единодушно постановили, прежде всего, всем им стоять заодно, как одному человеку, против короля венгерского Сигизмунда, так же как и против кого бы то ни было другого, противящегося закону Божию, особенно же причащению чашей <...>». А также «<...> принуждать клир придерживаться апостольской жизни и по мере сил не допускать симонии, алчности, приношений, роскоши и других незаконных явлений в жизни самого клира, чтобы они тем свободнее могли проповедовать слово Божье и выполнять другие обязанности своего сословия; и еще, чтобы прекратились все смертные грехи и все преступления против нравственности, как то: продолжительное пребывание в корчмах в праздничные и воскресные дни, высокомерие и излишества в отношении дорогостоящих одежд с различными разрезами и украшениями и, кроме того, всякие другие непорядки и измышления, противные закону Божию»⁴¹.

Различия между клятвой и манифестом заметны уже в преамбулах обоих документов. Открывая манифест заявлением

⁴¹ Лаврентий из Бржезовой. Гуситская хроника. С. 77 (гл. 40).

о решимости бороться с противниками причащения под обоими видами, его авторы воздерживаются от персональных упреков в чей бы то ни было адрес до того места, где начинают перечислять обиды, нанесенные Сигизмундом чешской короне. В майской клятве, наоборот, «постановили прежде всего» выступить против короля Сигизмунда. В пору, когда крестоносное войско уже двигалось к Праге, составители клятвы не считали нужным соблюдать дипломатическую вежливость.

Иной облик принимает и обращенное к представителям клира требование вести жизнь по заветам Христа. Манифест 20 апреля содержит лишь призыв: «Чтобы священники в своей жизни были нам примером <...>». Тогда как клятва гласит: «<...> *принуждать клир* (курсив мой. — П. К.) придерживаться апостольской жизни». Обязанность (или право) «принуждать клир» возлагалась, таким образом, на мирян-гуситов. В историографии развернулся спор о том, считать ли эту статью таборитской⁴².

Чем может быть обоснована такая трактовка? Было ли что-нибудь специфически таборитское в статье о наказании за грехи? Два дошедших до нас ранних манифеста таборитов действительно посвящены главным образом очищению от грехов: «В те-то времена давал Христос своим верным указание, дабы бежали не только грехов, но и общества злых людей⁴³. Очищение должно производиться покаянием, постом и добрыми делами. Нечестивых, по мысли хилиастов, должен покарать сам Господь»⁴⁴. Р. Каливода называл это состояние умов «хилиастическим фатализмом»⁴⁵, «продуктом социальной изоляции левых гуситов, которые вследствие своей слабости вынуждены были придать своему неприятию общества облик мечты о чуде»⁴⁶. Соответственно, они не предпринимали до поры до времени

⁴² *Мацек Й.* Табор в гуситском революционном движении. Т. II. С. 305. Вывод еще раз повторяется ниже (Там же. С. 313; *Pekář J.* Žižka a jeho doba. S. 64; *Bartoš F. M.* Husitska revoluce. T. I. S. 95; *Kalivoda R.* Husitska ideologie. S. 179; *Šmahel F.* Husitska revoluce. T. III. S. 43).

⁴³ Archiv Český. Dil. VI. S. 41.

⁴⁴ Ibid. S. 43.

⁴⁵ *Kalivoda R.* Husitska ideologie. S. 332.

⁴⁶ Ibid. S. 333.

попыток наказывать грешников своими руками. О взглядах радикалов известно также благодаря приведенным в хронике Лаврентия из Бржезовой 12 статьям, выдвинутым таборитами 5 августа 1420 г. в качестве условий, на которых они соглашались подтвердить союз с пражанами. В документе содержится подробный перечень подлежащих наказанию грехов: «Не терпеть и не оставлять без наказания ни одного явного грешника, как то: прелюбодеев и прелюбодеек, распутников и распутниц, соблазнительей и соблазнительниц» (ст. 3). «Чтобы не допускалось <...> распитие каких бы то ни было напитков в корчмах, а также вынесенных» (ст. 4). «Чтобы не носили и не разрешали другим ношение роскошных одежд <...>» (ст. 5). «Чтобы ни в ремеслах, ни на рынке не было обманов, утайки, чрезмерной наживы <...>» (ст. 6). «Чтобы священники, которые должны служить примером, соблюдали порядок, установленный Богом, и подражали апостолам и пророкам» (ст. 8). «Чтобы все платежи священникам были обращены на общее благо и чтобы уничтожены были ростовщические сделки на дома, на лавки и на что-либо другое, где бы это ни оказалось...» (ст. 10)⁴⁷.

Эти три документа подтверждают, что борьба с нарушениями внешнего благочестия, которое они считали несомненным проявлением закона Божьего, действительно очень заботила таборитов и что по этой причине они могли настоять на их включении в документ.

Тем не менее, требование наказания за смертные грехи не было чуждо и умеренным гуситам, и для его появления в майской клятве 1420 г. не был необходим диктат таборитов. Лаврентий из Бржезовой осуждает зажиточных сланских горожан, которые, «выгнав священников, причащавших под обоими видами <...>, сейчас же дозволили различные увеселения, игру в кости и прочие преступления против нравственности»⁴⁸. Зато он с радостью сообщает, как иные пражане, «приняв с умилением спасительную весть о причащении под обоими видами, признавались в своем заблуждении, в которое впали под влиянием дурных пресвитеров,

⁴⁷ Лаврентий из Бржезовой. Гуситская хроника. С. 103–104 (гл. 52).

⁴⁸ Там же. С. 75 (гл. 38).

и, покаявшись, приступали с великим благоговением к причащению чашей»⁴⁹. Благоговение в данном случае могло означать не только внутреннее чувство верующего, но и благочестие, требование которого стало отныне выполняться. Еще раньше требование наказания за смертные грехи находило поддержку в сочинениях Джона Уиклифа, когда это касалось грехов духовенства⁵⁰, так что этот пункт клятвы не должен был встретить противодействия среди умеренных сторонников чаши. Одной из функций мирской власти в средние века считалась защита церкви, понимаемая и как борьба с язычниками и еретиками, и как поддержание мира, порядка и благочестия среди подданных-христиан, чьи греховные поступки, например богохульство, подлежали не только духовному, но и светскому суду, который при случае мог действовать оперативнее, чем духовный⁵¹. «И еще было установлено, — говорилось в клятве, — чтобы противников закона Божия старательно разыскивать, допрашивать и не разрешать им оставаться в городе; для этой цели по приказанию консулов пресвитеры церковей должны были обходить отдельные дома противников <...>»⁵². Власть городского магистрата распространялась здесь на священников, определяя, что есть смертный грех, и налагая наказания за него. Такая вполне традиционная трактовка данного положения должна была вполне устроить и пражан, и даже католиков⁵³, ибо пугавший их произвол таборитов должен был быть ограничен городскими властями.

⁴⁹ *Лаврентий из Бржезовой*. Гуситская хроника. С. 78 (гл. 40).

⁵⁰ *Uhlirz M.* Die Genesis der vier Prager Artikel. Wien, 1914. S. 175. Цит. по: *Озолин А.И.* Из истории гуситского революционного движения. Саратов, 1962. С. 202.

⁵¹ *Le Goff J.* Saint Louis. Paris, 1996. P. 120, 831. Об обязанности светской власти бороться за искоренение смертных грехов см. также: *Kaminsky H.* Peter Chelčický. Treatises on Christianity and the Social Order // *Studies in Medieval and Renaissance History*. Vol. I / Ed. W. Bowsky. Lincoln; Nebraska, 1964. P. 126.

⁵² *Лаврентий из Бржезовой*. Гуситская хроника. С. 77 (гл. 40).

⁵³ Эберхард Виндеке говорил о том, что мог бы признать правду за гуситами в отношении наказания священников и их лишения имущества (*Eberhard Windeckes Denkwürdigkeiten... S. 147*).

К этому стоит добавить то весьма примечательное обстоятельство, что Лаврентий, не раз порицавший таборитов, ни словом не обмолвился о том, что присяга была принята под их диктатом. Более того, его фраза: «Из всех этих положений впоследствии были составлены и выражены в надлежащей форме, о чем будет более подробно сказано в дальнейшем, четыре главные статьи, на которых настояли пражане со своими приверженцами <...>»⁵⁴ — говорит как будто совсем обратное. Именно пражане и их загадочные союзники выступают инициаторами составления документа, настаивают на своем понимании его содержания и формы. Попутно встает вопрос: с кем им пришлось бороться? Возможно, он намекает на раскол среди таборитов на сторонников и противников пражан. Но в любом случае специфические требования вторых невозможно определить. Можно только предположить, что это были табориты, которые желали продолжения насильственных действий, что вызвало недовольство в Праге и отпадение Слан от союза.

Мне представляется не вполне обоснованным считать статью о наказании за смертные грехи таборитской по происхождению. Однако не следует совершенно исключать влияние таборитов на составление пражских статей. В конце концов, влияние это необязательно должно было состоять в активном участии в разработке и текстуальной оформлении гуситских требований. Само присутствие таборитов в Праге летом 1420 г. и предпринимаемые ими там действия могли подтолкнуть составителей статей включить в них требование, способное найти у настроенных радикально гуситов благожелательный отклик.

Перед лицом опасности двум течениям в гуситстве удалось договориться о совместной борьбе с Сигизмундом. С одной стороны, это было результатом определенной близости их взглядов на церковную реформу. С другой же, принятые ими совместные документы по необходимости содержали формулировки общие, неясные и приближенные мелкими оговорками к точке зрения католической церкви⁵⁵, «в самом общем виде удовлетворяющие

⁵⁴ Ibid.

⁵⁵ Мацек Й. Табор в гуситском революционном движении. Т. II. С. 304.

гуситов любого направления»⁵⁶. Подписавшиеся под общим программным текстом могли расходиться в понимании его смысла.

По словам Лаврентия из Бржезовой, клятва 27 мая стала основой для появления 3 июля 1420 г., пожалуй, самого известного из гуситских программных документов — «Четырех пражских статей». За несколько дней перед тем, 30 июня 1420 г., войска Сигизмунда подошли к Праге с севера, а сам король с торжественной процессией въехал на Пражский Град. Положение гуситской Праги сделалось критическим. Тогда, как сообщает Эберхард Виндеке, «богемские господа стали досаждать королю своими преступными и лицемерными речами», умоляя его о переговорах с осажденными, и тем самым помешали взять город⁵⁷. О переговорах, пусть неудачных, сообщает и Лаврентий. Представители гуситов, в свою очередь, просили разрешения публично высказать свои взгляды: армия крестоносцев 3 июля получила статьи, переведенные на немецкий, латинский и венгерский, 6 июля 1420 г. немецкий перевод был адресован маркграфу Мейсенскому Вильгельму II Богатому (1407–1425), а 10 июля дожу Венеции Томазо Мочениго (1414–1423) было отправлено написанное на латыни изложение этого документа.

Тот факт, что «окончательная редакция четырех статей предназначалась для переговоров с иностранцами»⁵⁸, привел, по мнению Й. Мацек, к смягчению формулировок требований гуситов.

Почему именно вариант 3 июля 1420 г. получил у этого автора название окончательной редакции? Большинство исследователей отмечает медленную и постепенную эволюцию документа. Ф. Палацкий полагал, что «Четыре пражские статьи» выкристаллизовались между 3 июля и 1 августа. Важным этапом в их

⁵⁶ Лантева Л. П. Гуситское движение. С. 53.

⁵⁷ Eberhard Windeckes Denkwürdigkeiten. S. 111.

⁵⁸ Мацек Й. Табор в гуситском революционном движении. Т. II. С. 306. О предназначении «Четырех пражских статей» для переговоров с королем см. также: Palacký F. Dejiny. Т. III. S. 228; Pekař J. Žižka a jeho doba. S. 62.

становлении стала дискуссия между гуситскими и католическими священниками, состоявшаяся на Малой Стране 25 июля⁵⁹. П. Брок не пытался уточнить дату окончательного формирования гуситской программы в пределах 1420 г.⁶⁰ А. И. Озолин называл две даты: 3 июля 1420 г., а также Чаславский сейм 1 июня 1421 г., на котором статьи были, по его словам, «официально приняты»⁶¹. К последней дате склоняется Л. П. Лаптева. «Чаславский сейм, — читаем в ее книге, — провозгласил 4 пражские статьи земским законом»⁶². Официальное признание завершалось, таким образом, эволюцию требований.

Иначе полагали Ф. М. Бартош и Ф. Шмагель. По их представлениям, уже апрельский манифест был одной из первых редакций, а окончательную форму статьи приобрели в майской клятве⁶³.

Для обеих точек зрения основания есть. В апреле–мае 1420 г. сформировалось содержание требований, определился их набор. Таким образом, варианты, появившиеся после майской клятвы, могут расцениваться как результат шлифовки вошедших в нее формул. Можно предположить, что именно это послужило основанием считать клятву окончательной редакцией. Но документ, датированный 3 июля 1420 г. и предназначенный для внешнего употребления, приобрел наибольшую известность среди современников и последующих поколений, став своего рода символом гуситства.

В послании венецианцам статья о наказании за смертные грехи была заменена статьей о защите чешского королевства от порочащих его обвинений в покровительстве еретикам, которая переключается с апрельским манифестом. Ф. Палацкий на этом основании видел в письме в Венецию развитие последнего⁶⁴. Впрочем, замена

⁵⁹ *Palacký F. Dejini. T. III. S. 228.*

⁶⁰ *Brock P. The political and social doctrines of the unity of the Czech Brethren in the 15th and early 16th centuries. London, 1957. P. 12.*

⁶¹ *Озолин А. И. Из истории гуситского революционного движения. С. 201.*

⁶² *Лаптева Л. П. Гуситское движение в Чехии. С. 55.*

⁶³ *Bartoš F. M. Husitska revoluce. T. I. S. 95; Šmahel F. Husitska revoluce. T. III. S. 43.*

⁶⁴ *Palacký F. Dejini. T. III. S. 225.*

пункта о грехах могла быть вызвана теми самыми тактически-ми соображениями при общении с иноземным адресатом и сама по себе не свидетельствовала об изменениях программы.

Ответ на предложения гуситов не заставил себя долго ждать. Его представил тот самый папский легат Фердинанд, который 16 марта огласил буллу о крестовом походе. Его послание пражанам датировано 6 июля 1420 г. Впрочем, в письме гуситов венецианцам оно не упомянуто, так что, возможно, о нем еще не было известно в Праге до 10 июля⁶⁵.

Легат цитировал статьи в ином порядке, нежели они были изложены 3 июля. Сначала он ответил на статьи о свободе проповеди, евангельской бедности и наказании за смертные грехи, затем разобрал вопрос о чаше. Маловероятно, что легат пользовался редакцией статей, отличной от редакции 3 июля. С первыми тремя процитированными им статьями он как будто готов был согласиться, если бы сами гуситы строго им следовали: «Почему думаете, — укорял он их по поводу требования свободы проповеди, — что знаете правду Слова Божьего, ведь ни одному смертному она не может быть до конца открыта». Справедливо и требование, чтобы духовенство жило в бедности, хотя из этого не следует, что, лишая его имущества, могут обогащаться другие. Здесь, пожалуй, впервые упоминается тема секуляризации церковного имущества как составная часть гуситской программы: говорит о ней противник гуситов, вменяющий им это в вину. Смертные грехи нетерпимы и должны быть наказаны. Но не должны ли сами судьи, которыми видят себя гуситы, перестать грешить? Затем, в конце послания, легат обращается к вопросу о чаше: хотят ли гуситы причащением под обоими видами отвергнуть всю католическую церковь и признать правоту церкви греческой в том, что причащение мирян вином необходимо для спасения? Может быть, гуситы просто хотят, чтобы мирян у них причащали под двумя видами в порядке привилегии? «Ибо и у нас, — продолжает легат, — во многих церквях и монастырях миряне причащаются вином в силу обычая или данной

⁶⁵ Pekař J. Žižka a jeho doba. S. 63.

им на то привилегии, однако никто не считает его необходимым для спасения души, а не следующих ему — проклятыми во веки веков»⁶⁶. На этом условии Фердинанд из Лукки, казалось, был готов допустить причащение вином.

Были ли среди гуситов склонные принять условия легата? Через десять дней после битвы на Витковой горе, которая кардинально изменила положение и осаждающих и осажденных, 25 июля 1420 г., в Праге на Малой Стране состоялись переговоры, на которых короля представлял патриарх Аквилейский Людовик, а от имени гуситов выступали Ян Пржибрам и Якоубек из Штржибра. Сторонам довольно быстро удалось договориться относительно трех статей. Спор разгорелся только по поводу статьи о чаше. При этом Людовик из Аквилеи ссылался на запрет «причащения под обоими» Констанцским собором в 1415 г., т. е. дал понять, что необходимых полномочий на разрешение этого вопроса у него нет. Такой ответ мог только придать гуситам больше решимости добиваться возможности выступить на вселенском соборе. Переговоры гуситов и представителей римской церкви, однако, не привели к подписанию каких-либо компактов (окончательных договоров о мире) в 1420 г. Тогда пражане сами еще не были готовы к компромиссу с Римом. Объединение с католиками против хилиастов было им невыгодно по политическим соображениям: надежда обрести правителя более лояльного к гуситству, нежели Сигизмунд, казалась им в то время намного более осуществимой, чем 13 лет спустя.

2. «Четыре пражские статьи» после 1420 г.: рецепция, эволюция, трансформация

В 1420 г. были сформулированы те положения, которые под именем «Четырех спасительных Божьих правд» если не приводятся целиком, то, по крайней мере, упоминаются почти во всех гуситских документах последующих лет.

⁶⁶ Цит. по: Ibid. S. 61.

Приверженность «Четырем статьям» становится в те годы признаком принадлежности к гуситству — как для самих гуситов, так и для посторонних. Королевский сейм 17 ноября 1421 г. в Брно принимает уже вполне формальное решение об осуждении статей как еретических, а придерживающихся их — как еретиков⁶⁷. Отождествление гуситства с пражскими статьями имело место и за пределами Чехии. Так, хронист из Люцерна Иоганн Бах, упоминая гуситов, говорит, что последние «выдвинули многие статьи против христианства»⁶⁸. Франтишек Матоуш в своем комментарии предполагает, что имеются в виду те статьи, которые были предъявлены Гусу на Констанцском соборе в доказательство его заблуждений⁶⁹. Однако тремя страницами ранее исследователь отметил, что для швейцарских хронистов процесс над пражским магистром и его казнь прошли почти незамеченными. Но после участия швейцарских отрядов в неудачной осаде Праги 1420 г. существование гуситов и, соответственно, роль Гуса в их появлении было уже невозможно оставить без внимания.⁷⁰ По этой причине мне кажется более вероятным, что под «статьями против христианства» понимали актуальные на тот момент пражские артикулы, а не какие-то уже оставшиеся в прошлом констанцские претензии к Гусу.

1421 г. был богат на события первостепенной важности в истории гуситских войн. Среди них выделяются: весеннее наступление пражан в бассейне реки Лабы; Чаславский сейм; посольства пражан к польскому королю Владиславу Ягайло и великому князю литовскому Витовту; наконец, преследования пикартов и адамитов⁷¹ на Таборе, приведшие 21 августа к казни их лидера

⁶⁷ Archiv Český. Dil. III. S. 234–235.

⁶⁸ Цит. по: *Matouš F. Jan Hus ve svycarskych kronikach 15. a 16. Stoleti // Jan Hus mezi epochami narody a konfesemi: (Sbornik z mezinarodniho simpozia konaneho 22–26 zari 1993 v Bayreuthu) / Vyd. J. B. Lasek. Praha, 1995. S. 286.*

⁶⁹ Ibid. S. 289.

⁷⁰ Ibid. S. 286.

⁷¹ Группировки, воспользовавшиеся реформой для проповеди общности имущества (пикарты) и отказа от общепринятых норм семейных отношений (адамиты).

Мартина Гуски. Причастие под обоими видами к этому времени определенно становится условием принадлежности к пражской общине. Еще 14 июня 1420 г. «с общего согласия <...> были избраны из коренных жителей и пришельцев (таборитов. — П. К.) определенные лица, которые должны были тщательно следить, нет ли среди пражан кого-либо, не причащающегося под обоими видами тела и крови Христовой <...>. Избранные для этой цели лица собирались почти каждый день в ратуше, вызывали к себе всех подозреваемых <...> и если среди них действительно обнаруживались такие, которые не причащались так, как это указано выше, тех выселяли из города <...> дома же их и прочее имущество поступало в распоряжение общины»⁷². В результате до 700 семей покинули столицу, в ее окрестностях было конфисковано еще около 160 владений. Действия пражской общины лишали беженцев надежды на возвращение: 26 июля 1420 г. их имущество было конфисковано, 30 января 1421 г. было объявлено о ликвидации долговых обязательств в отношении этого имущества, а 13 марта того же года — о его продаже. Столица Чехии в результате была очищена от состоятельных и, в силу этого, влиятельных противников гуситства. Так положение пражских артикулов о причащении из чаши было всё же использовано гуситами как средство социальной борьбы.

Одновременно Прага фактически стала моноэтническим городом. «Некоторые <...> преимущественно тевтонцы, несмотря на то что уже примкнули к истине и уже причащались под обоими видами или дали об этом обет, тоже принуждались покинуть город, потому что у некоторых из них сундуки были полны всякого добра»⁷³.

В апреле пражане овладели Коуржимом и Колином, позднее и другими местечками в бассейне Лабы. Отношения между пражанами и жителями подчиненных городов, как правило, оформлялись договорами, которые, как в соглашении Праги и Колина, содержали две части. В первой шла речь о признании «Четырех пражских статей», во второй — об изъявлении верности

⁷² Лаврентий из Бржезовой. Гуситская хроника. С. 82–83 (гл. 43).

⁷³ Там же.

пражанам⁷⁴. От жителей Кутной Горы, с которыми соглашение было заключено 24 апреля, «пражане потребовали <...>, чтобы мужчины, женщины с девицами и младенцами пришли с крестным ходом с преднесением святых даров тела Христова к войску пражан и просили бы себе помилование за то, что убили многих, исповедовавших закон Божий, и бросали их в шахты безо всякой вины с их стороны»⁷⁵. На следующий день покаяние кутногорцев состоялось. Помимо публичного выражения покорности пражанам кутногорцы публично причастились из чаши в знак принятия закона Божьего. «Жители Часлава и Нимбурка, услышав о всем вышеописанном, как пражане осадили Колин, направляют туда своих сограждан и присоединяются к пражанам, обещая не повиноваться больше королю венгерскому и искренне принять закон Божий»⁷⁶. Вслед за этим пан Олдржих из Рожмберка 25 апреля 1421 г. объявил, что, по его мнению, всеобщее слушание должно быть организовано только королем. До тех же пор он предоставлял в своих владениях «свободу пражским статьям»⁷⁷. Весенняя экспансия 1421 г., в которой, по выражению Ф. Хофманна, «Прага приобретала черты государства»⁷⁸, происходила под знаменем чаши и «Четырех пражских статей». Признание программы церковных реформ было для пражан свидетельством признания гегемонии столичного города, укрепление которой стало необъявленной целью их действий.

Чаславский сейм, состоявшийся 1 июня 1421 г., принял среди прочего два программных документа. В первом воспроизводятся пражские статьи, к которым добавляются еще две: о лишении Сигизмунда прав на престол и об учреждении комиссии из 24 земских правителей на период междуцарствия. В этом документе, как и в манифесте от 20 апреля, появляются жалобы на тот позор, которому подверг чешскую землю Сигизмунд, несправедливо обвинив ее в ереси. Второй же документ целиком посвящен претен-

⁷⁴ Archiv Český. Dil. IV. S. 396–398.

⁷⁵ Лаврентий из Бржезовой. Гуситская хроника. С. 203 (гл. 89).

⁷⁶ Там же, С. 202.

⁷⁷ Archiv Český. Dil. III. S. 225.

⁷⁸ Hoffmann F. Ceske mesto ve stredoveku. Praha, 1992. S. 64.

зиям к Сигизмунду, которых высказано четырнадцать. В их числе: сожжение Яна Гуса (ст. 1) и Яна Красы (ст. 7), организация крестового похода (ст. 4) и вызванные им разорения (ст. 6), отделение Бранденбурга от коронных чешских земель (ст. 9) и незаконное изъятие им короны (ст. 10), имперских регалий (ст. 11), казны (ст. 12); нарушение прав и свобод королевства (ст. 14). Высказав претензии, участники сейма потребовали от короля согласиться с ними и «всё это исправить»⁷⁹. Затем вновь цитируются «Четыре пражские статьи», о которых говорится: «Этих статей мы намереваемся и хотим держаться, если только нас не убедят в чем-нибудь лучшем на основании Священного Писания, если это только возможно»⁸⁰. В первом документе отчетливо просматривается акцент на требованиях, обращенных к церкви, во втором — на претензиях к королю. Может быть, это свидетельствует о начале выделения в рамках гуситской программы двух различных блоков: конфессиональных и политических требований.

Чаша приобретает важное самостоятельное значение. Она была для гуситов частью подлинной христианской традиции, восстановленной Якоубеком из Штржибра в 1414 г. Лаврентий из Бржезовой, критикуя таборитов за то, что они «постоянно придумывали одну за другой какие-нибудь новости», с удовлетворением пишет о том, как 14 ноября 1420 г. пражская община постановила, «чтобы все пресвитеры пражские соблюдали при богослужении применявшуюся до сего времени обрядность, то есть облачение и чашу, отказавшись только от всяких излишеств и чрезмерной роскоши»⁸¹. В постановлениях гуситского синода, состоявшегося в Праге 4 июля 1421 г., решения столичной общины были подтверждены. В ст. 2 там говорится о верности заветам апостолов и ранней церкви, «которую мы почитаем как мать и наставницу в католической вере, отступать от которой считаем грехом <...>»⁸². Далее, в ст. 6, священники обязывались причащать под обоими видами, а в последней говорилось:

⁷⁹ Лаврентий из Бржезовой. Гуситская хроника. С. 220 (гл. 96).

⁸⁰ Там же. С. 221.

⁸¹ Там же. С. 165 (гл. 74).

⁸² Там же. С. 235 (гл. 102).

«Утверждая эти святые и правильные положения и статьи, мы тем самым обновляем древние постановления соборов и притом заявляем, что мы этим не намереваемся отменять ничего, относящегося к правильной вере в Господа нашего Иисуса Христа»⁸³. Противники гуситов, со своей стороны, стремились представить их действия как насаждение несовместимых с истинной верой нововведений. Так, Базельские анналы и Хроника Конрада Юстингера сообщали, что одним из главных прегрешений гуситов (помимо связи с ересью Уиклифа и вальденсов) была их «новая вера» и некий «новый Отче наш»⁸⁴. И если причащение из чаши могло выглядеть разрывом с утвердившимся в римском католичестве обычаем, то вторая претензия была заведомо надуманной. Она была явно рассчитана на усиление обвинительного эффекта.

Очень определенно выражено в статьях июльского синода 1421 г. требование: «Чтобы никакой священник Христов не владел на основании гражданского или светского права никакими угодьями (дворами, усадьбами, полями) или какими-либо другими доходами, недвижимой собственностью, но живя по правилам евангельской бедности и жизни апостольской, довольствовался бы скромной пищей и одеждой; и чтобы вместе с тем никто из светских господ не присваивал себе и не отнимал у церкви ее средств и достатков, собранных милостыней, ни другого имущества, приобретенного от пожалований как временных, так и бессрочных» (ст. 9)⁸⁵. В этой статье обращает на себя внимание, во-первых, попытка разграничить владения по светскому праву и по праву пожалования, когда только первые считаются недопустимыми; во-вторых, намек на могущественных людей, желавших под предлогом этого положения пражских статей присвоить церковную собственность. Процитированные заявления синода воплотились в постановлениях пражской общины, которая претендовала на то, чтобы санкционировать переход владений церкви в частные руки, подобно тому как она поступала с конфискованными владениями эмигрантов и соб-

⁸³ *Лаврентий из Бржезовой*. Гуситская хроника. С. 240 (гл. 96).

⁸⁴ *Matouš F. Jan Hus ve svucarskych kronikach 15. a 16. Stoleti*. S. 286.

⁸⁵ *Лаврентий из Бржезовой*. Гуситская хроника. С. 237 (гл. 102).

ственностью короны⁸⁶. 30 мая 1422 г. члены пражской общины на ее общем сходе обратились к князю Сигизмунду Корибутовичу, «чтобы никто, будь он пан, рыцарь или панош, не вымаливал у его княжеской милости пожалований землями, если ранее не просил этой милости у пражских коншелов и общины»⁸⁷. В том же году, как следует из записей в староместской городской книге, пражане в согласии с литовским князем назначили подкоморжим пана Вилема Костку из Поступиц. Ему вменялось в обязанность надзирать за тем, чтобы церковное имущество использовалось законно и ради общего блага⁸⁸.

Сравнивая постановления синода 1421 г. со статьями, которые, по выражению Лаврентия из Бржезовой, таборитские проповедники, «<...> не смущаясь, огласили перед народом», в одной статье можно отметить почти полное сходство рассматриваемых требований: «И еще: священникам евангелическим не подобает на законных основаниях жить в домах, предоставленных или отведенных им мирянами в вечное пользование по образу милостыни, и не должно им иметь владений <...>» (ст. 11)⁸⁹. Можно заметить, что многие положения двух документов откровенно противоречат друг другу: таборитские проповедники не носили тонзуры и совершали богослужение в обычной одежде, тогда как синод требовал служить в облачении; табориты крестили в обычной проточной воде, тогда как синод требовал совершать крещение в святой воде. По таборитским представлениям, для богослужения подходило любое время дня, тогда как синод настаивал, чтобы литургию служили лишь в канонические часы. Запрещение владеть имуществом было, таким образом, требованием, объединяющим устремления умеренных и радикалов, что и обусловило его наличие в общегуситской программе.

Отметим, что не только имущественные отношения, но и общение в быту между клириками и мирянами должно было быть

⁸⁶ В 1424 г. пражская община от своего имени пожаловала Сигизмунду Корибутовичу целый город Литомержице. См.: Archiv Český. Dil. I. S. 220.

⁸⁷ Ibid. S. 215.

⁸⁸ Ibid. S. 218.

⁸⁹ *Лаврентий из Бржезовой*. Гуситская хроника. С. 113 (гл. 55).

сведено к тем случаям, «когда к этому принуждает спасительная необходимость, выполняемая по высокому приказанию» (ст. 13). В решениях синода 1421 г. предосудительным считался даже разговор церковнослужителя с женщиной, если он не происходил во исполнение таинства исповеди.

Сожжение Мартина Гуски на Таборе 21 августа 1421 г. и убийство проповедника Яна Желивского в Праге 9 марта следующего года означали, что соотношение сил между течениями гуситов изменилось. На Таборе были ликвидированы хилиасты, в Праге победили умеренные. Но в пражском случае каких бы то ни было выразительных перемен в программных устремлениях тамошних гуситов после смерти Желивского незаметно. Отчасти на это указывает постановление, изданное князем Сигизмундом Корибутовичем 28 мая 1422 г., спустя десять дней после его въезда в Прагу⁹⁰.

Князь объявлял прощение всем участникам беспорядков, учиненных после убийства Яна Желивского (ст. 1), однако под страхом смерти запрещал призывать толпу к наказанию кого-либо, ибо такое наказание — полномочие общины (ст. 2). Пражские священники были обязаны собраться в ближайшее воскресенье на синод и договориться жить в единстве и согласии, «дабы тем самым честь и хвала были возданы Всевышнему» (ст. 3). Также Корибутович велел впредь строго наказывать участников уличных стычек — отсечением руки за обнажение оружия и смертью за нанесение раны. Примечательно, что в этой же статье звучал запрет на игры в кости и «прочие прегрешения словом и делом» (ст. 4). А в ст. 6 был выделен запрет содержать притоны, нарушителей которого ждала смерть. В ст. 5 купцов обязывали принимать в уплату пражские гроши. Единственная статья экономического содержания несколько выпадает из общего текста, хотя, полагаем, именно она отражает тенденцию к укреплению полномочий Праги в гуситской Чехии.

Никаких отступлений от «Четырех пражских статей» в постановлениях Корибутовича незаметно. Гуситские священники

⁹⁰ Опубликовано Ф. Палацким: Archiv Český. Dil. I. S. 213.

названы в ст. 3 «стоящими за закон Божий», ни о каком негативном отношении к гуситству не могло быть и речи. В ст. 4 и 6 речь идет о наказании за те же «смертные грехи», что фигурировали еще в майской клятве 1420 г., а акцент на том, чтобы их налагала община, а не отдельные лица (ст. 2), полностью соответствует букве «Четырех пражских статей» и их пражскому пониманию.

По мнению Ф. М. Бартоша, появление Корибутовича в Праге было «надеждой правых гуситов»: «С его приходом высшая шляхта надеялась на возвращение себе власти в государстве»⁹¹. Тем не менее документ не демонстрирует никакого дрейфа вправо, а лидеры полевых войск (Ян Жижка, Хвал из Маховиц и Ян Гвезда), признав литовского князя 11 июня 1422 г. верховным правителем, заняли при нем видное место наряду с представителями высшей шляхты.

Всё говорит о том, что главной целью пражан и всех, кто примкнул к ним, было добиться свободы высказывания взглядов на церковные реформы, призвав в судьи Писание⁹². На необходимость скорейшей организации диспута на эту тему указывал Святогавельский сейм 1 ноября 1423 г. Перед его началом в Колине состоялся съезд панов, на котором управление Чехией предлагалось поручить комиссии из 12 панов, половина которых представляла католиков, а другая — утраквистов. Сейм решение подтвердил, кроме того, участники постановили обменяться захваченными друг у друга владениями, гарантировать безопасность купцов, подтвердить монополию Кутной Горы на чеканку монеты. Вопросы, обсуждаемые на съезде, принадлежали, таким образом, к разряду политических и административных. Но в первой статье протокола демонстрируется решимость добиваться права изложить гуситское учение «так, как мы давно уже требовали»⁹³. Едва ли данная статья является лишь формальным заверением о миролюбии. Ее актуальность подтверждают попытки организовать равноправный диспут, в котором

⁹¹ *Bartoš F. M.* Husitska revoluce. T. I. S. 171.

⁹² *Kejř J.* Ceska otazka na basilejskem koncilu // *Husitsky Tabor*. 1985. Sv. 8. S. 131.

⁹³ *Archiv Český*. Dil. III. S. 241.

не только умеренные гуситы, но и радикалы были, несомненно, заинтересованы.

В документе обращают на себя внимание два момента. Во-первых, упоминание давности и регулярности требования о свободном слушании, т. е. о некоей вполне сложившейся реформаторской традиции, придававшей ему дополнительный вес. Во-вторых, прямая ссылка имеется только на статью о свободе проповеди закона Божьего. Именно на нее опирается требование слушания. Другие статьи как будто забыты, что дает Р. Каливоде и Ф. Махилеку повод утверждать, что документ составили консерваторы, для которых, по словам этих авторов, якобы туманное «требование всеобщего слушания» было единственным имевшим значение⁹⁴. В их пользу говорит проведенный Иваном Главачеком анализ списка участников сейма 1423 г., на котором преобладали пань⁹⁵. Мне, впрочем, представляется, что отсутствие особого упоминания о трех прочих пражских статьях вызвано тем, что требуемый диспут должен был стать обсуждением всех статей в комплексе, что и было бы утверждением закона Божьего.

Сходная формулировка присутствовала в обращении Сигизмунда Корибутовича к Олдржиху из Рожмберка от 21 мая 1422 г.: «<...> ничто иное не входит в наши намерения, кроме как с Божьей помощью рассудить в совете с панями земскими, панями пражанами, рыцарями, паношами, городами и прочими общинами, стоящими за закон Божий, как нам следует поступать, чтобы свобода закона Божьего не была поправа, а земля короны чешской была избавлена от гибели <...>»⁹⁶. Выражение «свобода закона Божьего» настолько широко, что может

⁹⁴ *Machilek F.* Die hussitische Forderung. S. 526; *Kalivoda R.* Husitska ideologie. S. 182.

⁹⁵ *Hlavaček I.* Husitske sněmy // Sborník Historicky. Praha, 1956. Sv. IV. S. 86. Исследователь делает вывод на том основании, что в списке участников сейма отсутствуют имена представителей Табора, а представители Праги перечислены вслед за панями и архиепископом. Исчезновение горожан из числа земских правителей тоже убеждает автора в его правоте.

⁹⁶ *Archiv Český.* Dil. III. S. 239.

подразумевать и все пражские статьи, и выходить за их рамки, и объединять различные понимания программ. В документах, подобных письму Корибутовича или протоколам Святогавельского сейма, для которых тема реформы не была основной, расшифровки этого выражения не требовалось. Она представляла собой, таким образом, еще более сжатую, нежели «Четыре пражские статьи», формулу церковной реформы. «Четыре пражские статьи, – писал А. В. Рандин, – воспринимались современниками как единое целое. Показательно, что статьи, сформулированные прежде всего как идеологические требования, одновременно стали конституционными принципами, основой гуситского государственно-правового мышления»⁹⁷.

Вскоре после смерти Яна Жижки, последовавшей 11 октября 1424 г., появляется очередной документ, отразивший эволюцию гуситских программ: протокол, подписанный в Здице. Чешский историк Фр. Шмагель считает их результатом «стремления к миру после четырех лет кровопролитной войны»⁹⁸. Местечко Здице было избрано местом переговоров, поскольку было расположено на полпути между Жебраком, в котором расположились панские отряды под руководством Алеша Голицкого из Штернберка, и Бероуном, где задержались идущие к Праге полевые войска таборитов. Можно предположить, что наряду с панами и гетманами полевых войск в переговорах участвовали представители Праги и городов таборитского союза, так что круг их участников был весьма широк. Сошедшиеся призвали гуситскую и католическую сторону отобрать по 50 богобоязненных, мудрых и рассудительных мужей поровну из числа панов, рыцарей, паношей, городов и общин, чтобы 15 марта следующего, 1425 г., в Коуржине обсудить все спорные вопросы, основываясь на Писании. Если бы они не пришли к соглашению, то с каждой стороны следовало отобрать по 8 панов, рыцарей-паношей и горожан, и этой комиссии (48 человек) предоставить право окончательного решения.

⁹⁷ Рандин А. В. Роль пражского университета в гуситском движении. М., 1987. С. 139.

⁹⁸ Šmahel F. Husitska revoluce. T. III. S. 152.

Сословная ассамблея, проект которой представлен в документе, так и не была созвана. Тем не менее проект интересен, ибо в нем отразилась политическая конъюнктура 1420-х годов. Фактически в Коуржиме предполагалось создать две комиссии. Первая из них, составленная на основе очень широкого представительства, в случае неудачи должна была уступить место такой, представительство на которой сродни тому, что уже было известно по прежним сеймам. Возникает вопрос: означает ли это, что договаривающиеся в Здице стороны изначально сомневались в том, что 100 депутатов смогут выработать соглашение? Напрашивается утвердительный ответ, хотя он не более чем гипотеза. Другой вопрос: почему в документе ничего не сказано о представительстве полевых войск? Вряд ли они скрываются здесь, как предполагал Ф. Г. Хейманн, за понятием «община»⁹⁹. Последним было отказано в праве заседать во второй комиссии. Поскольку представители полевых войск непосредственно принимали участие в здицких переговорах, трудно представить, что они могли бы заранее отказаться от места и в более узком кругу договаривающихся. «Общины» в тексте соглашения, по-видимому, обозначают сельское население. Фраза Сигизмунда Венгерского, что в Коуржиме “*mest’ane a chlari*” хотят судить панов, может свидетельствовать о том, что в составе первоначальной комиссии предполагалось отступить от привычного представительства на сеймах и расширить ее состав за счет селян. Полевые войска, по всей видимости, не рассматривались как самостоятельная группа в рамках сословной структуры. Но это не означает, что они не могли бы влиять на работу предполагаемого форума. Представительство полевых войск в комиссии, вероятно, осуществлялось бы и панами, и рыцарями, и представителями входящих в таборитский союз городов.

На первый взгляд, в составе первоначальной комиссии наблюдается перевес представителей паношей, горожан и общин, тогда как ей на смену должна была заступить комиссия, где преобладали бы паны и рыцари. И. Главачек довольно прямолиней-

⁹⁹ *Heymann F. G. John Zizka and the Hussite Revolution. 2nd ed. New York, 1962. P. 434.*

но предполагал, что это свидетельствовало о желании шляхты независимо от вероисповедания ограничить влияние городов¹⁰⁰. Следование начинавшей складываться традиционной норме представительства сословий на сейме вряд ли свидетельствует о сознательном стремлении ограничить участие городов в политической жизни. По сравнению с анализируемыми Главачеком сеймами 1422–1424 гг. вторая коуржимская комиссия отводит горожанам важную роль.

Повестка дня здичких переговоров не ограничивалась требованиями «Четырех пражских статей». «Далее, когда эти богоугодные дела найдут свое завершение, тогда [пойдет речь] о других светских и частных вещах, и особенно о наследственном имуществе, которое было за время тех войн обеими сторонами отнято либо продано»¹⁰¹. Далее в документе рассмотрена проблема статуса приходских священников в сеньориальных владениях.

Пан Олдржих из Рожмберка сообщил Сигизмунду Венгерскому о сейме и достигнутых на нем договоренностях. Последний 28 октября 1424 г. ответил, что соглашения наносят ущерб спасению души и чести тех, кто их подписал: «Удивляемся тому, что вы даете себя лишить ваших прав, чтобы вас горожане и мужики судили»¹⁰². Указывая пану Олдржиху на его привилегии, Сигизмунд решает практическую задачу, которая, по мнению Й. Кейржа, состояла в следующем: «Усилить сословное самосознание и вновь укрепить солидарность высшего социального слоя в качестве преграды для растущего влияния городов и особенно сельского населения, в этом была цель таких напоминаний в письмах и намеков в трактатах и диспутах»¹⁰³. Он задумал лишить планируемый диспут в Коуржине поддержки панства, с тем чтобы не допустить слушаний. Наличие горожан в числе членов комиссии было расценено королем как претензия

¹⁰⁰ *Hlavaček I. Husitske sněmy. S. 89.*

¹⁰¹ *Archiv Český. Dil. III. S. 249.*

¹⁰² Цит. по: *Palacký F. Dejini. T. III. S. 369.*

¹⁰³ *Kejř J. Vznik mestského zřízení v Tabore // Pivdennočeský historický sborník. 1971. N 40. S. 36.*

горожан «судить панов» — вмешиваться в дела высшей политики страны. Сигизмунд приказывал Олдржиху не соблюдать заключенного договора, а если тот боится гуситов, то, заверял король, на имперском сейме, что вскорости соберется в Вене, будет решать, как помочь Олдржиху.

Попытка передать решение спора о «Четырех пражских статьях» комиссии, состоящей из равного числа представителей сословий, не удалась: в 1425 г. изменилась политическая ситуация, когда из-за нарастания противоречий между умеренными и радикальными гуситами и возобновления боев между ними, о которых повествует Хроника Бартошка из Драгониц¹⁰⁴, созвать на переговоры и радикалов, и умеренных, и католиков было невозможно. Тем не менее стоит отметить само появление идеи комиссии, которая, позволю себе процитировать Сигизмунда: «Сама себя наделила правом суда в делах христианства, власти над которыми, равно как и права толковать Писание, у нее нет, коль скоро она состоит из мирян»¹⁰⁵. Магистрам в этом проекте отводилась роль участников диспута перед лицом мирян, и именно последние должны были сделать заключение о правоте той или иной стороны. На отношения между гуситами и католиками призывали распространить практику решения споров между гуситами различных направлений. Такой диспут состоялся в июне 1423 г. в городе Конопиште. Ян Пржибрам, представлявший пражан, сошелся в споре с таборитским священником Микулашем Бискупцем по вопросам соблюдения обрядов и понимания Тайной Вечери. Тогда судьями в споре должны были быть по два мирянина с каждой стороны: Смил Голицкий из Штернберка и Шимон по прозвищу «от Белого Льва» со стороны пражан и Хвал из Маховиц с Матеем Лаудой из Хлумчан со стороны таборитов¹⁰⁶.

Ф.М. Бартош проводил параллель между здицкими приглашениями и кутногорским религиозным миром 1485 г., за-

¹⁰⁴ Цит. по: *Hlaváček I. Ze zpráv a kronik doby husitské*. Praha, 1981. S. 234–236.

¹⁰⁵ *Ibid.*

¹⁰⁶ *Hruby V. Matej Louda z Chlumčan, husitský hejtman mesta Pisku // Jihočeský sborník historický*. 1978. N 47. S. 187.

ключенным мирянами. Ф. Шмагель не разделял столь смелых предположений коллеги. По его мнению, «единственным позитивным результатом» соглашений было оформление гуситского вероисповедания, одобрить которое предстояло мирянам¹⁰⁷. Пражские магистры выработали 24 статьи, которые должны были стать его основой, а табориты в ходе синода, состоявшегося 11 ноября, эти статьи одобрили. Так Ф. Шмагель добавляет еще один аргумент в пользу своей концепции гуситских войн: «С 1423 г. уже не “старый Табор” представлял угрозу для преждевременных компактов, а Жижка и его новое братство»¹⁰⁸. Но что было за этой угрозой: идейное несогласие или материальная заинтересованность в продолжении войны?

Католическая церковь уже в начале 1420-х годов утратила существенную долю своих владений в Чехии, частью захваченных гуситами, частью пожалованных королем Сигизмундом своим сторонникам в форме залога. Парадоксально, но этот яростный противник гуситства лишал церковь ее имущества, как будто действовал согласно «Четырем пражским статьям». Из 559 грамот о залоге церковной собственности 237 приходятся на 1420–1423 гг. Они были выданы представителям королевской партии. Их цель состояла, вне всякого сомнения, в том, чтобы привлечь на королевскую сторону приверженцев из числа панов и рыцарей, которые к тому же были бы заинтересованы сбросить новые владения от таборитов. Почти столько же грамот (241) приходилось на 1436–1437 гг. Их адресатом выступали в основном утраквисты. По мнению М. Моравца, вторая волна передачи церковного имущества под залог была осуществлена императором Сигизмундом с целью придать захватам церковного имущества сколько-нибудь законный вид¹⁰⁹. При этом сами захваты, санкционированные либо самочинные, произошли в массе своей в начале 1420-х годов, когда был захвачен даже епископский город Литомысль. Возможно, именно по этой

¹⁰⁷ Šmahel F. Husitska revoluce. T. III. S. 159.

¹⁰⁸ Ibid. S. 158.

¹⁰⁹ Moravec M. Zastavy Zikmunda Lucemburskeho v Ceskych zemich z let 1420–1437 // Folia Historica Bohemica. Praha, 1985. N 9. S. 96.

причине требование лишить церковь власти и имущества стало исчезать из программных документов. Возвращение его произошло позднее, когда в годы заграничных походов им стали пользоваться для привлечения на сторону гуситов дворян из сопредельных земель.

Роль священнослужителей, как говорится в протоколе Чаславского сейма, сводится к тому, чтобы выступать советчиками «во всех трудных случаях, которые вышеназванные должностные лица не будут в состоянии одни разрешить или не смогут или не сумеют этого сделать согласно предписаниям закона Божьего»¹¹⁰. Неизвестно, насколько это требование выполнялось в действительности. Впрочем, не сохранилось сведений о том, чтобы в Праге священники занимали какие-нибудь административные посты.

Положение проповедников на Таборе было другим. Грамота о привилегиях, выданная Кутной Горе таборитами и сиротами¹¹¹ 25 июня 1425 г., составлена со стороны таборитов от имени гетмана Ярослава из Буковины, проповедника Прокопа Великого и прочих гетманов, а также гетманов Велека из Бржезницы и Яна из Краловец, священника Прокопа Малого и прочих гетманов от сирот¹¹². Характерно, что полководец и духовный лидер занимают верхнюю ступень в иерархии обоих гуситских братств. Например, таборитские священники Якуб Влк в Новом Месте и Амброж в Градце Кралове с успехом вмешивались в управление городами. Пражский магистр Ян Пржибрам пишет об этом в 1429 г. с негодованием: «И так они себя поставили в городах, что ни коншелы, ни община ничего не могли сделать против их воли даже если бы захотели, почти ничего не получилось бы»¹¹³. Пржибрам говорит, что тем самым таборитские проповедники

¹¹⁰ *Лаврентий из Бржезовой*. Гуситская хроника. С. 215 (гл. 94).

¹¹¹ Сироты — сторонники Яна Жижки из числа таборитов, которые сформировали самостоятельную общину после смерти своего предводителя.

¹¹² *Vybor z ceske literatury doby husitske / Sest. V. Havranek, J. Hrabat, J. Danhelka. Praha, 1964. Sv. I. S. 412.*

¹¹³ Цит. по: *Macek J. Ktož jsú boží bojovníci: Čtení o Táboře v husitském revolučním hnutí. Praha, 1951. S. 285.*

нарушают статью о запрете пользоваться светской властью служителям церкви. Как табориты отвечали на эти упреки и отвечали ли, неизвестно. Их позиция, в отличие от пражской, дошла до нас фрагментарно. Можно только предполагать, что таборитские священники не считали свою власть в городах союза и на Таборе светской, коль скоро она осуществлялась согласно Закону Божьему и во имя его распространения, не принимая на свой счет упреки Пржибрама.

Процитированная выше привилегия таборитов и сирот Кутной Горе и другие как будто подтверждают, что проповедники приобретают среди них властные полномочия одновременно с легализацией власти военных предводителей полевых войск – гетманов¹¹⁴. Но было ли среди них какое-то подобие иерархии? В каких отношениях состоял формальный глава таборитского священства – Микулаш из Пельгржимова, прозванный Бискупцем, т. е. «малым епископом», с проповедником Прокопом Великим? Ф. Шмагель предполагает, что Микулаш сосредоточился на проблемах таборитского вероучения и ритуала, а Прокоп – на вопросах церковной политики¹¹⁵. Но предположения чешского историка основаны единственно на том, как деятельность обоих известных вождей видели посторонние наблюдатели.

В 1425 г. таборитские полевые войска разделились на три самостоятельных отряда, которые продолжали разрозненные боевые действия. Им удалось взять местечки Вожице, Каменице и Червену Гору. Но под стенами Либштейна и Красова польники потерпели поражение.

Представляется, что Ф. Палацкий верно охарактеризовал внутреннюю борьбу у гуситов в 1425–1427 гг. как политическое соперничество, в котором вопросы конфессиональные отступают на задний план¹¹⁶. О том свидетельствуют Вожицкие

¹¹⁴ Šmahel F. Taborsti vladari // Folia Historica Bohemica. 1982. N 4. S. 83–125.

¹¹⁵ Ibid. S. 93.

¹¹⁶ Palacký F. Dejiny. T. III. S. 374.

договоренности о годичном перемирии, заключенные 17 октября 1425 г.¹¹⁷ между таборитами и сиротами с одной стороны и пражанами с другой. Гетманы полевых войск Ян Гвезда, Ян Рогач, Алеш из Жеберка и Кунеш из Беловиц возвратились в число двенадцати вновь избранных земских правителей. Это было признанием роли полевых войск в стране и их безусловным успехом, который, впрочем, плохо вписывается в логику антифеодальной или национально-освободительной борьбы. Пражане обязались в случае нарушения политического, не касающегося вероисповедных тем договора выплатить 50 тысяч коп грошей штрафа.

Точку зрения противников гуситов после 1424 г. отражает Хроника Бартошка из Драгониц. Он не видел в действиях гуситов никакой программы, социальной или конфессиональной. О полевых войсках Бартошек сообщает следующее: «Из выше-названных людей образовались две стороны, из них одна звала себя таборы, другая же сироты. У первых гетманом вскоре стал некий Блег, а потом священник Прокоп, между вторыми же, некогда “людьми жижковыми”, некие Кунеш и Краловец»¹¹⁸. Поначалу разницу между ними он видит только в именах вождей, а термин «гусит» впервые появляется у него в рассказе об осаде Усти-над-Лабой в июне 1426 г.¹¹⁹

В 1425 г. паны-католики в договоре с князем Корибутом обязывались запретить в своих владениях всё, что оскорбляет Господа, а именно: супружескую неверность, сводничество, игру в кости, проституцию, танцы и т. п.¹²⁰ Это было фактическое согласие с одной из пражских статей. Возникает вопрос: в чем состояли интересы этого литовского князя, которому не было выгодно ни усиление полевых войск, конкурирующих с ним за влияние в Чехии, ни примирение с Сигизмундом Люксембургским? Последнее похоронило бы его мечту о чешской короне, и ему приходилось постоянно и безуспешно лавировать.

¹¹⁷ Archiv Český. Dil. III. S. 252–254.

¹¹⁸ Цит. по: *Hlaváček I. Ze zpráv a kronik doby husitské*. Praha, 1981. S. 236.

¹¹⁹ Ibid.

¹²⁰ Archiv Český. Dil. III. S. 255.

Уступки таборитам, ведущие к потере контроля над бывшими городами пражского союза, не нравились пражанам независимо от их симпатий, а интенсивные контакты с католиками вызывали подозрительность у всех. Наглядным примером явился случай, происшедший в 1426 г.: Сигизмунд Корибутович вновь попытался склонить к посредничеству перед лицом папы своего дядю, польского короля Владислава, чтобы организовать требуемые гуситами слушания. Последний высказал согласие, но попросил у Корибутовича доказательств его стремления примириться с Римом. Князь в ответ поручил доставить в Краков копию послания архиепископа пражского Конрада Вехты столичным пресвитерам. В послании архиепископ велел отказаться от всех еретических новшеств в богослужении или в течение двух недель покинуть Прагу. Полученная польским королем и переправленная последним папе грамота, по-видимому, должна была служить доказательством доброй воли гуситов и их согласия на переговоры. Эффект ее был обратным, ибо папа принял ее за готовность капитулировать. 4 октября 1426 г. папа ответил отказом от диспута, одновременно приветствуя стремление Владислава и Корибута возратить Чехию в лоно католической церкви. С другой стороны, в Житаве влиятельный представитель королевской партии Ян Вартемберский из Ральска должен был опровергать обвинения в переходе на сторону чашников. Основой для обвинения служили контакты католического магната с пражским правителем¹²¹.

Тем временем неоднозначные процессы происходили и в таборитском лагере. 6 февраля 1426 г. на съезде в Писеке была подтверждена решимость стоять за «Четыре пражские статьи», добиваясь их открытого обсуждения. Дошедшие до нас материалы съезда сохранили только один артикул светского содержания — требование защитить Чехию от иноземцев¹²². Настаивая на переговорах с католиками, участники съезда, впрочем, не требовали от последних признания своей правоты. Им было достаточно, чтобы причащающиеся «под одной» прекратили

¹²¹ Šmahel F. Husitska revoluce. T. III. S. 188.

¹²² Archiv Český. Dil. III. S. 257.

поносить гуситов, не допускали бы смертных грехов и вместе с приверженцами чаши выступали бы на защиту страны от иноземцев. Ф. Шмагель видел в этом «первый шаг к религиозной терпимости»¹²³, инициированный таборитами. Еще Ф. Бецольд, а спустя много лет и Ф. Шмагель предположили, что это стало следствием глубоких противоречий на Таборе, поскольку на съезде отсутствовали представители полевых войск¹²⁴. Слова из постановлений, где выражалась решимость подчиниться «власти, устроенной по-светски», покуда она не нарушает божественный порядок и следует общественному благу, по мысли Ф. Шмагеля, «открыто целились в полевые войска, от чьей поддержки западочешские табориты отрекались»¹²⁵. Ф. М. Бартош, напротив, не видел в действиях участников съезда никаких признаков раскола, считая их дополнительным доказательством изначально мирных намерений таборитов, которые были вынуждены отстаивать свои убеждения мечом, оставляя своей главной целью умиротворение страны¹²⁶. Трудно допустить серьезный раскол внутри таборитов в 1426 г., иначе он неизбежно проявился бы в последующих событиях. Более справедливым было бы предположение об увеличении самостоятельности в действиях полевых войск и городов таборитского союза. Не вступая пока в борьбу друг с другом, они действовали во всё более разных плоскостях: одних заботило продолжение войны, других — достижение мира.

Корибут пытался продолжать примирительную политику, хотя она не давала ему шанса вернуть популярность. Он выдал католическим панам охранную грамоту для проезда на сейм в Праге, который должен был открыться ко дню Крестовоздвижения (3 мая 1427 г.)¹²⁷. Грамота не датирована, но Я. Боббин

¹²³ *Šmahel F.* Husitska revoluce. T. III. S. 176.

¹²⁴ Цит. по: *Šmahel F.* Taborsti vladari. S. 95.

¹²⁵ *Šmahel F.* Husitska revoluce. T. III. S. 176.

¹²⁶ *Bartoš F. M.* O čest taborskeho hejtmana // Jihočeský sborník historický. Praha, 1953. N 22. S. 77–81.

¹²⁷ *Boubin J.* Tri korybutovske pisemnosti: Materialova studie a edici // Folia Historica Bohemica. Praha, 1982. N 4. S. 228–229.

с уверенностью предположил, что она появилась весной 1427 г. В этом случае, считает исследователь, ясно, почему о задуманном съезде не сохранилось известий: власть Корибута обрушилась раньше, нежели он успел собраться¹²⁸. Выразив согласие с датировкой Боубина, Ф. Шмагель, в свою очередь, предположил, что именно эта охранная грамота, слухи о которой дошли до пражан от староместских писарей, и стала тем толчком, который вызвал переворот 17 апреля, стоивший литовскому князю власти¹²⁹.

В конце апреля 1427 г., вскоре после изгнания Корибута из Праги, в чешской столице появился еще один достойный внимания документ: очередные 12 статей. Ф. Палацкий писал о нем: «Статьи, направленные на поддержание спокойствия и единодушия, четко определяли, во что и как верить и каким должен быть христианский порядок вещей»¹³⁰. По мнению исследователя, вдохновителем стал Якоубек из Штржибра, боровшийся и против Рима, и против Табора. В доказательство Ф. Палацкий приводит пункт о пресуществлении, бывший в центре спора между чашниками и таборитами. Ст. 5 повелевает верить в то, что в гостии хлеб пресуществляется в тело Господне¹³¹. Содержание этой статьи якобы было направлено против таборитов и магистра Петра Пейна, который в результате покинул пражский лагерь¹³².

Документ подтверждает «пражские статьи», соглашается с Ф. Палацким Ф. М. Бартош. Тем не менее он отмечает, что в Праге возникает «новый порядок»¹³³. Возможно, на это указывает то, что Двенадцать статей 1427 г. содержат имя только одного духовного иерарха — Яна Рокицаны. Это, как предполагает Ф. Шмагель, может свидетельствовать о том, что в результате изгнания Корибута Старое Место получило первенство

¹²⁸ Ibid. S. 223.

¹²⁹ Šmahel F. Husitska revoluce. T. III. S. 188.

¹³⁰ Palacký F. Dejiny. T. III. S. 393.

¹³¹ Archiv Český. Dil. III. S. 262.

¹³² Palacký F. Dejiny. T. III. S. 394.

¹³³ Bartoš F. M. Husitska revoluce. T. II. S. 25.

в возникшем объединении пражских городов¹³⁴. Тем более что почти во всех статьях документа, не только в 5-й, на которую обратил внимание Ф. Палацкий, звучит тема охраны того порядка, который сложился в Праге к 1427 г.

Этот порядок, если суммировать положения разных статей, будет выглядеть следующим образом. Власть правителя города должна оставаться неизменной (ст. 1), «Четыре пражские статьи» должны были по-прежнему соблюдаться (ст. 3), чтобы церковные обычаи сохранялись такими, какими они существуют, без нововведений (ст. 4), «чтобы никто не выступал против существующего в Праге порядка, по которому все смертные грехи подвергаются каре <...>» (ст. 6).

Угроза этому порядку, как говорилось в преамбуле документа, исходила «от неединодушия среди священства»¹³⁵. Целый ряд статей был посвящен проблемам клира. На них налагались ограничения в быту: «<...> чтобы клирики не делили с мирянами жилище, коль скоро они отличаются от мирян по своему сословию, то должны отличаться и образом жизни» (ст. 2). Подтверждалось, что они не имели права владеть светским имуществом (ст. 9), а тем, кто упрекает приверженцев чаши в грабежах монастырей и церквей, было указано, что пострадали среди последних только те, чьи клирики выступили против правды Божьей (ст. 11). Наконец, были наложены ограничения на проповеди. Так, запрещалась проповедь примирения с папой (ст. 10), священники призывались проповедовать истинно христианское учение (ст. 12), но также запрещалось публично обвинять кого бы то ни было в ереси без санкции духовного правителя (ст. 8). Именно последняя статья, как нам представляется, лучше всех свидетельствует о том, какую роль должна была играть эта фигура, стоящая на страже эмоционального спокойствия жителей Праги.

Документ не вполне согласуется с тезисом Я. Боубина об установлении в Праге теократического режима. Пожалуй, наоборот: осознавая, насколько опасны могут быть раздоры между партиями клириков по вопросам пресуществления, обрядов,

¹³⁴ Šmahel F. Husitska revoluce. T. III. S. 189.

¹³⁵ Archiv Český. Dil. III. S. 262.

облачений и т. п., которые в данном документе, за исключением первого, даже не были подробно перечислены, авторы документа стараются подчинить клир власти не только предстоятеля, но и светских правителей, полномочия которых подтверждаются в первой же статье.

Документ 1427 г. не ограничивается простым упоминанием «Четырех пражских статей» в качестве четырех правд, как это нередко бывало в прошлом: они вновь подтверждаются в нем. Пункт о причащении под обоими видами — в ст. 5, положение о наказании за смертные грехи — в ст. 6, а требование лишить духовных лиц светской собственности — в ст. 9 и еще раз в ст. 11, легитимировавшей захваты такого имущества. Заметим, что на этом пункте гуситской программы фактически не настаивали без малого шесть лет. В следующий раз о нем вспомнят только в начале 1430-х годов. Почему он стал таким актуальным в 1427 г., что авторы упоминают его даже чаще остальных? Желание сохранить поддержку тех представителей дворянства и бюргерства, которые приобрели отобранное у церкви имущество, по-видимому, выступает здесь в качестве причины. Внимание, уделенное этой статье, обусловлено пропагандистской природой документа.

Впрочем, документ не только подтверждает «Четыре пражские статьи», но и разоблачает козни врагов против них. Ст. 10 приведенного документа пугает читателя тем, что «многие безрассудные и тайные враги правд Божьих проповедовали скрыто и склоняли многих к полному подчинению папе». Тогда последний, по словам авторов, запретит мирянам причащаться из чаши, проповедовать правду Божью, отнимать у «попов» их имущество и владения и «не препятствовал бы грешным женщинам жить в христианских городах»¹³⁶. То есть были бы нарушены все «Четыре пражские статьи». Правда, обращает на себя внимание упрощенное понимание статьи о смертных грехах, которая сводится к теме запрещения проституции.

¹³⁶ «<...> nekteri sobewolni a tajni prawd bozskych nepritele kazali jsu a škyryte mnohe nawodili ku plnemu poslusenstwi papezowu <...>» (Archiv Český. Díl. III. S. 263).

Как понимать эту статью? Означает ли она, что среди гуситов были готовые отречься от четырех спасительных истин, притом даже до проведения диспута с представителями Рима, и что на них опирался Корибут? Что означал термин «полное послушание папе», последствиями которого пугали жителей чешской столицы, имея в виду полный отказ от «Четырех статей»?

В числе изгнанных в 1427 г. из Праги за «проповедь примирения с папой» оказался Ян Пржибрам и некоторые поддерживавшие его магистры, те самые, что были арестованы Корибутовичем вскоре после его второго прибытия в Прагу в 1424 г. Следует предположить, что мера была направлена не против традиционных приверженцев римского ритуала, влияние которых в Праге в то время уже едва ли ощущалось, а против тех гуситов, кто был согласен ограничиться признанием чаши и пойти в остальных статьях на уступки Риму. Конфликт 1427 г. противопоставил уже не сторонников папы и короля сторонникам реформы, а представителей разных течений пражского гуситства. Гиперболизация обвинения против части умеренных была, возможно, тактическим ходом. Актуальность для политической борьбы конфессиональных проблем, которая прослеживается в документе 1427 г., заставляет нас согласиться с Я. Боубиным в том, что внимание к религиозной стороне гуситского движения к концу 20-х годов XV в. начинает оживляться, хотя это не значит установления среди гуситов теократии.

Ф.М. Бартош отметил, что во второй половине 20-х годов XV в. в посланиях гетманов полевых войск появляется новая формулировка их программы: война за освобождение закона Божьего, ведущаяся во имя Бога и именем Бога¹³⁷. Она велась под знаменем чаши. Однако, говоря о том, как город Колин в 1427 г. решил отойти от пражан и принять в качестве гетмана пана Гашека из Детениц, держащего сторону короля и австрийского герцога, летописец ни словом не упоминает о возможных конфессиональных причинах этого шага и его последствиях¹³⁸.

¹³⁷ *Bartoš F. M. Husitska revoluce. T. II. S. 36.* Цитируемое послание см.: *Urkundliche Beiträge. Bd. I. S. 602.*

¹³⁸ Цит. по: *Hlaváček I. Ze zpráv a kronik doby husitské. Praha, 1981. S. 239.*

Событие представлено как чисто политический акт. Только в информации о братиславских переговорах начала апреля 1429 г. в хронике появляются сведения о том, что гуситов и сторонников короля разделяет чаша¹³⁹. В позднем сочинении другого католического автора, Иоанна Сеговийского, главной причиной войн изображалась вовсе не чаша, а неуступчивость гуситов, основной грех которых заключался в поднятии меча против церкви¹⁴⁰. Собственно, в «Четырех пражских статьях» автор не видел ничего предосудительного и передавал их без видимой критики. Его претензии к гуситам сводились к тому, что они «не столько словом проповедовали, сколько рушили огнем и мечом»¹⁴¹.

Самым важным событием 1427 г. стал очередной крестовый поход, провозглашенный 18 марта, т. е. еще до падения Корибута. Однако только 4 мая на имперском рейхстаге во Франкфурте было принято решение о начале войны. Руководителем экспедиции стал бранденбургский курфюрст Фридрих, которого подозревали в стремлении занять чешский престол. Начиная поход, он стремился продемонстрировать свою лояльность Чехии и ее народу. В крестоносном войске были установлены жестокие наказания за уничтожение чешских деревень, воины призывались к частой молитве, им грозили наказанием за смертные грехи¹⁴². Фридрих завязал тайные переговоры с чешскими панями Яном Смиржицким и Гинеком из Кольштейна о возможности занять место Корибута. Эти планы были перечеркнуты сначала поражением крестоносцев у Тахова 4 августа, а затем и провалом попытки переворота в Праге, устроенной Смиржицким и Гинеком

¹³⁹ Ibid. S. 243.

¹⁴⁰ *Segovia J. de. Historia gestorum generalis synodi basiliensis // Monumenta Conciliorum Generales saeculi XV / Ed. E. Birk. Vindobonae, 1873. T. II. P. 9 (Cap. VI).*

¹⁴¹ Ibid. P. 2 (Cap. I).

¹⁴² *Urkundliche Beiträge. Bd. I. S. 503–509.*

6 сентября 1427 г. В результате в середине сентября стороны заключили перемирие до дня св. Георгия (23 апреля следующего года). В дни перемирия, 29 декабря 1427 г., в Жебраке, несмотря на недовольство римского папы Мартина V, ведут переговоры Шимон из Тишнова и Прокоп из Кладруб, представлявшие королевскую сторону, и Петр Пейн, представлявший гуситов.

Крестовый поход привел к временному объединению всех сил, стоявших за чашу. Не только улучшилось взаимодействие между сиротами и таборитами, по-видимому, совместно взявшими Жлебы, но и между ними и пражанами. Совместные усилия сделали возможной осаду Колина (11 сентября — 16 декабря 1427 г.), защищаемого бывшим сторонником литовского князя Дивишем Боржеком из Милетинка. Более того, на сторону полевых войск перешел пан Менгарт из Градца, а чуть позднее и пан Ян Товачовский.

Богат на боевые действия был и следующий 1428 г., чего, пожалуй, нельзя сказать о программных документах. В 1427–1428 гг. отряды гуситов всё чаще переходили границы Чехии. По словам Ф. Шмагеля, их действия едва ли можно квалифицировать просто как ответ на третий крестовый поход, провалившийся в 1427 г., они являют собой чистой воды нападение¹⁴³. Чем в таком случае отличаются действия вернувшегося в лоно католичества Гинека Крушины из Лихтенбурка, совершившего несколько походов в Силезию, и его брата Яна, который делал то же самое в качестве гетмана таборитского гарнизона в Адршпахе?¹⁴⁴

Говоря собственно о Таборе и полевых войсках в конце 1420-х годов, следует отметить их сближение по внутреннему устройству с современными им городом и войском. Ф. Хоффманн обращал внимание на роль военных дружин в возникновении Табора, разбирая пример дружины гетмана Пинты, состоявшей на службе панов из Камениц — Прокопа и Яна¹⁴⁵.

¹⁴³ Šmahel F. Husitska revoluce. T. III. S. 204.

¹⁴⁴ Urban J. Hynek Krusina z Lichtenburka a husitska revoluce // Folia Historica Bohemica. Praha, 1982. T. 4. S. 24.

¹⁴⁵ Hoffmann F. K počatku Tabora // Československý časopis historický. 1967. T. 15. Ses. 1. S. 103–120. Уникальность каменицкой дружины в том, что

Особенностью этой дружины было то, что бóльшая часть ее бойцов вышла из тех местностей Чехии, в которых гуситов было более всего¹⁴⁶. Автор заключает из этого, что члены дружины могли быть объединены не только чувствами воинского побратимства, но и ощущением борьбы за веру, отвергаемую всеми остальными¹⁴⁷. Хоффманн делает, однако, оговорку, что не стоит идеализировать подобную дружину, которая на панской службе не только боролась за свободу закона Божьего, но и воевала с другими панями, с горожанами, грабила купцов и т. п. Поэтому, говорит исследователь, не стоит видеть в ней полевое войско в миниатюре¹⁴⁸. Но свободны ли сами полевые войска от тех обвинений, которые адресует Ф. Хоффманн дружине гетмана Пинты? Пожалуй, на основании данных о ней можно представить себе, пусть с некоторыми поправками, полевое войско конца 1420-х годов. Здесь встречаются крестьяне, бежавшие, как показывал Пинта, от притязаний своих феодалов, горожане и некоторое число представителей рыцарского сословия. При этом последние, безусловно, стоят во главе дружины. Вертикальная социальная мобильность существовала: «Итак, вышеназванные сделали над собой гетманом некоего столяра по прозвищу Черт, которого посвятили в рыцари, поскольку он был простолюдином»¹⁴⁹. Подобным образом описывает Бартошек из Драгониц последствия разгрома экспедиции сирот в Венгрию в 1430 г. и гибели их гетмана Велека Кудельника. А. И. Озолин высказывал предположение, что рыцарское звание у таборитов давалось всем отличившимся в бою и не давало никаких выгод. Исследователь считал «данью традиции» персональные упоминания о гетманах в документах Табора¹⁵⁰. Но с тем же основанием

все 104 имени ее бойцов известны благодаря протоколам допроса под пыткой одного из них, Яна Голого, состоявшегося 7 сентября 1417 г. в Индржиховом Градце. Протоколы допроса, сохранившиеся в йиглавском архиве, были опубликованы исследователем в приложении.

¹⁴⁶ Ibid. S. 106.

¹⁴⁷ Ibid. S. 109.

¹⁴⁸ Ibid. S. 108.

¹⁴⁹ Цит. по: *Hlaváček I. Ze zpráv a kronik doby husitské*. Praha, 1981. S. 248.

¹⁵⁰ *Озолин А. И. Пражане и табориты*. Б. м., б. г. С. 296.

можно и обязательность принадлежности командира к дворянству считать традицией. Приобретение простолудином командной должности в полевом войске, таким образом, должно было сопровождаться и повышением его сословного статуса. Помимо того, каждый вождь более или менее крупного отряда полевых войск в конце 1420-х годов являлся одновременно гетманом какого-нибудь города, осуществляя в нем власть, подобную власти городского сеньора.

В свою очередь, осознание общей высокой цели — борьбы за закон Божий, — сплотивавшее бойцов полевых войск, было важным фактором, не позволявшим ставить знак равенства между полевым войском и типичной феодальной дружиной. Про отдельных таборитских гетманов можно сказать, что некоторые из них, как чаславский гетман Ян Рогач из Дуба, пропадают со страниц документов, другие, как Матей Лоуда из Хлумчан, занимавший пост гетмана в Писеке, появляются только в связи с куплей-продажей недвижимости в Праге¹⁵¹. Тогда же происходит еще одно знаменательное событие: впервые за денежный выкуп полевые войска сняли осаду с города Мюнстерберга в Силезии (22 марта 1428 г.)¹⁵². Так был совершен еще один шаг к превращению полевых войск в сообщество профессиональных бойцов, живущих войной и не заинтересованных в ее прекращении. Табор и возглавляемый им союз городов, со своей стороны, всё более обособлялся от полевых войск. Это видно из постоянно растущего числа договоров, заключаемых от имени городов союза без упоминания полевых гетманов¹⁵³.

Вопросы программные, конфессиональные в этой преимущественно политической борьбе никоим образом не фигурируют. Создается впечатление, что борьба разворачивается параллельно спорам клириков по вопросам вероучения и культа, никак не соприкасаясь с ней. Показательно и то, что полевые войска ведут военные действия одновременно с переговорами о перемирии на протяжении 1428–1430 гг.

¹⁵¹ *Hruby V. Matej Louda z Chlumcan. S. 191.*

¹⁵² *Urkundliche Beiträge. Bd. I. S. 602–603.*

¹⁵³ *Smahel F. Husitska revoluce. T. III. S. 205.*

В конце января 1429 г. Сигизмунд получает через Менгарта из Градца предложение о переговорах 6 марта в Моравском Крумлове. Но бои продолжаются. Как объяснить это видимое противоречие? Может ли быть, что критерием здесь являлась не только ограниченность перемирия во времени, хотя мир по определению должен быть «вечным»? Перемирие, по видимому, не предполагало какой бы то ни было договоренности о делах церковных. Когда 25 ноября 1428 г. горожане Домажлиц и окрестные сторонники императора Сигизмунда объявили об отказе от боевых действий вплоть до дня св. Георгия, вопрос о чаше или о «Четырех пражских статьях» не был упомянут¹⁵⁴. Другие перемирия тоже заключались между отдельными магнатами, гетманами или городами на определенный срок и не претендовали на урегулирование отношений с церковью. Подборка переписки Олдржиха из Рожмберка дает многочисленные примеры договоров, заключенных им с Писеком, Табором, гуситскими гетманами¹⁵⁵. Но полевые войска отнюдь не всегда соблюдали заключенные ими перемирия, что лишний раз свидетельствует об их превращении в фактор нестабильности.

На протяжении 20-х годов XV в. в гуситских программах, так же как и в начале движения, остается много неопределенного, чему способствует разнообразие имеющихся источников, многие из которых отражают в первую очередь сложившуюся на тот момент конъюнктуру. Тем не менее в их эволюции обнаруживаются некоторые вполне четкие тенденции.

Проблемы церковной реформы всё более обособляются от проблем отношений с королем, с другими католическими правителями и землями. К примеру, протокол Святотроицкого сейма 1429 г. распадается на два блока: об урегулировании спора с церковью и о замирении вражды с соседями. Одновременно

¹⁵⁴ Archiv Český. Dil. III. S. 267.

¹⁵⁵ Listar a listinar Oldricha z Rozmberka 1418–1462. Praha, 1929. Dil. I (1418–1437). S. 82–83.

программа церковных реформ представлена в очень краткой форме — упоминанием «Четырех пражских статей», текст которых не приводится. Больше внимания уделено тому, как обеспечить благоприятный исход слушаний. На соборе, который, по мнению авторов, должен был на основе Писания рассудить спор между гуситами и Римом, они хотели видеть причащающихся вином греков и армян, «чтобы не папа имел право решать, но всё христианство». Куда более объемён и детален другой, военно-политический блок, содержащий 11 статей¹⁵⁶. Он стал центром тяжести, пока переговоры с церковью находились в состоянии стагнации — от момента изгнания Корибута из Праги до поражения пятого крестового похода под Домажлицами и письма Базельского собора гуситам. Место для проявления дипломатической инициативы было здесь крайне ограничено. Кроме того, текст «Четырех пражских статей» к этому времени успел стать общеизвестным и начиная с середины 1420-х годов мог быть опущен. Напротив, политические требования отражали наиболее актуальные чаяния сторон.

Табориты и сироты не были противниками переговоров с церковью и императором Сигизмундом, однако действия их полевых общин, часто продолжавших войну одновременно с переговорами и нарушавших только что заключенные перемирия, противоречили уверениям в миролюбии. Полевые войска, для которых война превратилась в основной источник существования, утрачивали связь с другими представителями радикального гуситства, преследуя цель продолжения войны, что расходилось с программой движения. Впоследствии это не могло не привести к их изоляции и утрате ими влияния. В указанное время,

¹⁵⁶ Archiv Český. Dil. VI. S. 421–422. Среди пунктов документа встречаются: признание прав и свобод земли, назначение в качестве земского правителя пана или князя «языка чешского или славянского» (ст. 5), сохранение прежнего размера повинностей (ст. 6), свободная проповедь гуситского учения (ст. 7), создание препятствий для распространения грехов (ст. 10). Авторы текста ни при каких условиях не хотели мириться с майсенцами и баварцами (ст. 4), а также с теми, кто отверг чашу (ст. 3). Напротив, с принявшими чашу были готовы заключить мир без участия короля.

однако, этот процесс был на самой начальной его стадии, роль полевых войск в политической жизни 1420-х годов, подтвержденная Вожицким договором, была весьма значительна. Для полевых гетманов ее поддержание было, вероятно, не менее важно, чем борьба за осуществление конфессиональной программы.

Следует также отметить стремление сохранить единую общую программу, пусть минимальную, на основании «Четырех пражских статей». Последние, получившие название «четыре Божьих истин», превратились в своего рода символ гуситского движения, теряя свою социальную и политическую актуальность. Разногласия между пражскими и таборитскими священниками были не о толковании «Четырех пражских статей», а о совершении евхаристии и других таинств, облачениях и обрядах¹⁵⁷, что не интересовало основную массу верующих. При этом борьба между гуситами различных тенденций продолжалась, но носила всё менее принципиальный характер, становясь борьбой личностей, как в случае с изгнанием из Праги Корибутовича и Яна Пржибрама с их сторонниками. Предлогом для этого стало обвинение их в измене «Четырем пражским статьям», которое едва ли можно считать доказанным.

В отношениях к гуситству и его программе со стороны противников наблюдается, по нашему мнению, следующая тенденция. В начале 1420-х годов гуситы воспринимались в первую очередь как мятежники против церкви и короля. Поэтому их требования, сколь бы правомерными они ни выглядели, о чем писал гуситам легат Фердинанд, не могли быть не только приняты к исполнению, но даже рассмотрены до их подчинения законной власти. В конце 1420-х годов возникают первые признаки качественно новой ситуации, когда акцент делается не на подчинении как предпосылке подачи требований, а на рассмотрении их с целью добиться подчинения. Первым шагом к этому было осознание противниками значения чаши в гуситском движении.

В конце 1420-х годов во главе гуситов как в Праге, так и на Таборе оказалось некоторое число людей, состоявших в духовном

¹⁵⁷ *Kejr J. Místri prazske univerzity a knezi taborsti. Praha, 1981. S. 72.*

звании в прошлом или даже в настоящем: Матей Лоуда из Хлумчан, гетман общины в Писеке, Ян Рокицана и Якуб Влк в Праге, Амброж в Градце и Прокоп Великий в полевых войсках. Однако это едва ли свидетельствует об установлении теократического режима. Конфессиональная составляющая их программы не исчезает, но она и не столь акцентирована, как в начале 1420-х годов. Если тогда утверждение закона Божьего казалось способом достижения всех прочих программных требований, то к концу рассматриваемого периода, когда в пределах Чехии церковная реформа достигла значительных успехов, на первый план вышла политика, позволявшая найти компромисс в виде компактатов, процесс подготовки которых пришелся на 1433–1436 гг. Умеренные гуситы узаконили использование чаши на территории «короны Святого Вацлава», став основой религиозного перемирия, значение которого трудно переоценить, поскольку оно было первым казусом в отношениях Церкви с теми, кого она считала еретиками.

3. Йиглавские компактаты: «закон Божий» в Чехии после гуситских войн

Середина 30-х годов XV в. была в истории гуситского движения тем временем, когда на фоне еще не стихших боев мирный диалог между чешскими реформаторами и их оппонентами становится всё более интенсивным. В процессе переговоров 1434–1436 гг. с представителями Базельского собора и императора Сигизмунда появился целый комплекс документов о признании его чешским королем, о разрешении мирянам Богемии причащаться под обоими видами (хлебом и вином) и иных условиях, на которых стороны договорились о прекращении войны. Корпус созданных таким образом текстов получил общее название «компактатов».

К вопросу, какой стороне эти соглашения были более полезны, историки обратились только в XX в. В позапрошлом сто-

летию в основном ограничивались изложением фактов. И если Ф. Палацкий употребляет в отношении вступления Сигизмунда на чешский престол слово «реакция», то только в смысле династическом¹⁵⁸.

В дальнейшем палитра мнений оказывается очень разнообразной. Одну из крайних точек зрения представляет Т. Д. Флоринский. Он усматривает в компактатах безусловную победу папства и Сигизмунда, одержанную из-за раздоров среди гуситов «по поводу того, как устроить жизнь»¹⁵⁹. «Маленькая уступка» привела в итоге к восшествию Габсбургов на чешский престол в 1526 г. и к полному поражению сторонников реформы¹⁶⁰. Ему возражает Й. Пекарж: «Официальное гуситство», программой которого были «направленные на примирение с церковью» «Четыре пражские статьи», ни в чем с католичеством и не расходилось¹⁶¹, разве что табориты потерпели поражение, и Пекарж считал это «слишком запоздалым благом» для Чехии. «Официальная программа» была, по его мнению, реализована вполне.

Особенную популярность тезис о поражении гуситства в результате измены его попутчиков из числа панов и горожан, «врагов народа внутри Чехии»¹⁶², приобрел в 1950–1970-х годах в советской и чехословацкой историографии: в трудах Б. Т. Рубцова, А. И. Озолина, Й. Мацека. Феодалская реакция, по их мнению, победила: приобретенные богатство и политическое могущество позволили ей во второй половине XV в. одержать в экономической борьбе верх над городами и вновь укрепить крестьянство¹⁶³.

Впрочем, уже со времен ранней чехословацкой оттепели оценка итогов гуситского движения становится более разнообразной: Р. Урбанек называет «огромными» уступки, сделанные собором гуситам, в особенности соглашение 1432 г., получившее

¹⁵⁸ *Palacký F. Dejiny. T. III. S. 588.*

¹⁵⁹ *Флоринский Т. Д. Пособие к лекциям по истории Чехии. Киев, 1915. С. 161.*

¹⁶⁰ Там же. С. 136.

¹⁶¹ *Pekař J. Žižka a jeho doba. S. 312.*

¹⁶² *Рубцов Б. Т. Подвиги таборитов. М., 1961. С. 113–114.*

¹⁶³ *Озолин А. И. Пражане и табориты. С. 398.*

в историографической традиции название «Хебский арбитраж». Гуситы могли считать соглашения своим успехом, ибо им удалось добиться не только выслушивания, но и частичного признания правоты их реформаторской программы¹⁶⁴. Р. Урбанек вторит Ф. Шмагель. В книге, адресованной французскому читателю, он называет события 1434 г., приведшие к утверждению компактатов, «термидором», подразумевая «переход революции в более умеренную фазу»¹⁶⁵. «Согласие признать Сигизмунда чешским королем, ставшее в 1434–1435 гг. общераспространенным настроением, означало и победу принципа выборности короля Чехии. Сигизмунд фактически согласился и с ним, и с требованиями Чаславского сейма. Речь шла не о формальном подтверждении прежних привилегий, но о принятии правителя волей всех сословий, обусловленном выполнением им ряда условий и принесением клятв. После смерти Вацлава IV Сигизмунду казался невозможным “выкуп” наследства брата ценой обещаний. Но жизнь заставила его поменять взгляды»¹⁶⁶.

А. В. Рандин назвал компактаты «компромиссом, который каждая сторона истолковывала в свою пользу». «Собор, — отмечает исследователь, — считал себя победителем и не желал идти навстречу представителям даже той фракции, которая сделала возможной его победу». Тем не менее «впервые в истории на значительной территории и на длительный период была нарушена гегемония католической церкви и фактически создана система официального двоеверия». Наконец, поданным впервые представилась возможность исповедовать отличную от их господина веру¹⁶⁷. Поставленный исследователем вопрос правомерно дополнить другим: не была ли возможность взаимоисключающих толкований заложена в компактаты изначально?

¹⁶⁴ *Urbanek R.* Český mesianismus ve sve dobe hrdinske // *Z husitského věku. Výbor historických úvah a studie.* Praha, 1957. S. 20.

¹⁶⁵ *Šmahel F.* La révolution hussite une anomalie historique. Paris, 1985. P. 11.

¹⁶⁶ *Šmahel F.* Husitska revoluce. T. III. S. 161.

¹⁶⁷ *Рандин А.В.* Гуситская революция и пражский университет. Йошкар-Ола, 1994. С. 85–87.

Авторы многих исследований видят в компактатах зафиксированный на бумаге результат тогдашнего соотношения сил между гуситами, императором, папством и Базельским собором. Соотношение это использовали наиболее способные церковные дипломаты, среди которых особую роль сыграл кардинал Хуан Паломар. Подобной точки зрения с некоторыми оговорками придерживаются П. Чорней, Ф. Кавка, Дж. Холмс и Й. Кейрж¹⁶⁸. Последний убежден, что собор одержал победу не только над гуситами, но и над папой, ради ограничения власти и авторитета которого всё и было устроено¹⁶⁹. Данная точка зрения не является новой. Она высказывалась еще в довоенной историографии: некоторые авторы смотрели на гуситское движение как на сильную общественную встряску, а на переговоры с папством и империей – как на шаг, для всех сторон вынужденный¹⁷⁰.

Отметим, что если для середины XX столетия, когда господствовала точка зрения о поражении гуситского движения, была характерна недооценка масштаба перемен в чешском обществе в 1419–1436 гг., то в последнее десятилетие их явно переоценивают. Поэтому рассмотрение содержания компактатов сегодня представляется весьма актуальным. Именно оно, быть может, прольет свет на проблему определения победителя в гуситских войнах.

Рассмотрим грамоту, которую Сигизмунд обнародовал в Йиглаве 20 июля 1436 г. Она появилась после того, как 5 июля договор с церковью был оглашен в Йиглавском соборе, но до 25 июля, когда Ян Вельвар от имени сословий выразил согласие признать Сигизмунда королем Чехии. Грамота дает материал для

¹⁶⁸ Čornej P. Tajemství českých kronik. Praha, 1987. S. 200; Holmes G. Europe: Hierarchy and Revolt, 1320–1450. 2nd ed. Fontana, 1978. P. 210.

¹⁶⁹ Kejř J. Mistři pražské univerzity a knezi taborští. Praha, 1981. S. 131.

¹⁷⁰ Флоровский А. В. Чехи и восточные славяне. (Очерки по истории чешско-русских отношений X–XVIII вв.) // Práce slovanského ústavu v Praze. Praha, 1935. Sv. XIII. S. 330–331; Slavík J. Husitské revoluce: Studie historicko-sociologické. Praha, 1934. S. 95.

сравнения с предыдущими программными документами гуситов и некоторыми сохранившимися ответами на них Сигизмунда. Документ не привлекал до сих пор специального внимания исследователей. В их работах встречается либо его сквозной пересказ, либо цитирование некоторых из его 25 статей. Маестат представляет большой интерес в сравнении с целым рядом других документов — предшествующих и последующих. Среди первых выделим требования, поданные Сигизмунду в 1435 г., среди вторых — жалобы на короля 1437 г. Сопоставление позволит определить не только отношение короля к тому или иному требованию, но и выполнение или невыполнение его.

В преамбуле определено, что «все вопросы, касающиеся веры, [заключавшиеся] в тех четырех статьях, обсужденные со святым собором Базельским <...> нашими стараниями и усердием были им приняты и благодаря его святой милости получили счастливое окончание»¹⁷¹. Действительно, 5 июля соборными легатами была оглашена грамота, в которой всем католикам предписывалось считать утраквистов добрыми христианами и верными чадами апостольской Церкви. Архиепископу Пражскому и епископам Литомышльскому и Оломоуцкому разрешали причащать под обоими видами (хлебом и вином) как всех тех, кто следовал таковому обычаю, так и тех, кто до тех пор причащался одним хлебом. Соборные легаты в этот день отправили в Базель радостное послание: «Пляши и радуйся, святой собор, воздай громкую хвалу Богу, своему Создателю», ибо «на широкой площади, среди бесчисленного народа подали нам, твоим послан, правитель, паны, рыцари и города короны чешской первый список компактатов»¹⁷².

Маестат выявляет несколько важных тенденций, характеризующих итоги гуситских войн. Во-первых, он проясняет представления сторон об итогах конфликта. Сигизмунд словно давал понять, что он исчерпан, возвращение гуситов в лоно церкви состоялось и вопросов церковной реформы более в Чехии не существует. Гуситы же, наоборот, как отмечал Ф. Палацкий, видели

¹⁷¹ Archiv Český. Díl. III. S. 446.

¹⁷² Urkundliche Beiträge. Bd. I. S. 457.

в компактатах всего лишь начало переговоров о церковной реформе¹⁷³. И это, на наш взгляд, относится не только к базельским договоренностям 1433 г., но и к событиям 1436 г., когда появился упомянутый маестат. Король, не принимавший гуситскую программу церковных реформ, дал много обещаний по поводу иных вопросов. Так, он соглашался терпеть среди подданных причащающихся под обоими видами. Но гарантии распространялись только на жителей короны чешской. К тому же император обещал принимать гуситов-мирян и священников при дворе и внимательно относиться к их советам (ст. 3 и 4). Но конфессиональный момент размыт даже в этих статьях. Вернее всего их было бы характеризовать как политическое, земское продолжение религиозных компактатов. Гуситы же приняли обещания императора, надеясь впоследствии добиться большего не только в области земских свобод, но и в деле церковной реформы.

Во-вторых, компактаты отразили целый комплекс политических по преимуществу чаяний, звучавших время от времени в подаваемых королю статьях. Собственно, им посвящены все прочие статьи документа, которые можно с оговорками разделить на несколько групп.

В первой группе — обещание сохранить соотношение сил, которое сложилось в Чехии к 1436 г.: между утравкистами и приверженцами традиционного причащения. Собственно, ст. 3 и 4 также относятся к этой группе. «Ни одного человека или общину, к какой бы группе или сословию они ни относились, причастных к разрушению замков, крепостей, монастырей, церквей и прочего, не будем подвергать гонениям» (ст. 5). Далее, имущество, пожалованное Сигизмундом в годы войн, сохранялось за их новыми владельцами, если те могли продемонстрировать грамоту о пожаловании (ст. 11). Король соглашался признать новые торговые привилегии, приобретенные городами «именем панов, земанов или людей прочих общин» (ст. 13). Право учредить торг было исключительной прерогативой чешского короля, на которую лишь в исключительных случаях посягали наиболее

¹⁷³ *Palacký F. Dejiny. T. III. S. 568.*

влиятельные магнаты — чаще всего Рожмберки. Но свидетельствовал ли отказ от этой прерогативы об упадке королевской власти или был временным тактическим ходом? К этому вопросу мы вернемся чуть позже. В ст. 20 Сигизмунд обещает не вспоминать со злобою всё, что произошло в ходе борьбы против него, а в предпоследней ст. 24 заявляет о прощении всех тех налогов, которые он не смог взять с гуситских городов в годы войн.

Поддержание равновесия, на наш взгляд, относилось не только к пражским утраквистам и их союзникам из числа магнатов. Статьи, вероятно, предполагали участие Табора в соглашении. Выражение «к какой бы группе (“*radu*” — слово, которое, быть может, употребляется здесь в значении “союз”. — П.К.) они ни относились», встретившееся в ст. 5, быть может, имеет в виду принадлежность упомянутых в статье общин к городским союзам: пражскому, оребскому и таборскому. По-видимому, так же следует понимать и фразу ст. 13 о подтверждении выданных городам за годы войн торговых привилегий. «Люди прочих общин», присвоившие себе королевскую прерогативу, идентифицируются как с пражанами, так и с таборитами, чьи действия, таким образом, не подвергались сомнению.

В следующей группе — обещания сохранять «старинные» права и привилегии чешской короны: «Если в записях в земские доски или в решениях земского суда будет найдено что-нибудь неправильное, это следует исправить» (ст. 17). Сигизмунд милостиво обещал панам, рыцарям и городам подтвердить даже те права и свободы, которые они забыли ему представить в данное время (ст. 19). Впрочем, обращает на себя внимание то, что не вполне ясно, о каких «старинных» привилегиях короны идет речь. Пожалуй, только подтверждение привилегии Кутной Горы, содержащееся в ст. 18, обусловленное стремлением восстановить твердую монету «как во времена Вацлава II», можно отнести к разряду таких традиций. Реальное содержание прочих обещаний невозможно уловить. Вероятно, важнее их символическое значение, демонстрирующее преимущество власти правителя, его согласие с предшественниками, традиционно дававшими обещание сохранять обычаи. Возвращение архива и инсигний

осмысливается самим Сигизмундом как знак возвращения к старинным традициям и как залог будущего спокойствия в стране.

К третьей группе относятся статьи, содержание которых повторяет некоторые условия, выдвинутые еще в «23 статьях» 1419 г. и в конечном счете выполненные императором. Так, ст. 10 предусматривает произнесение проповеди для чехов внутри храма, а для немцев — вне стен его, «а если угодно будет Богу, чтобы нам прибыть в Чехию, то вместе с архиепископом и советом земли мы будем решать, как нам действовать на благо этого (чешского. — П.К.) языка и во имя славы Божьей». Далее в ст. 12 говорится о лишении иноземцев доступа к земским должностям в границах короны, а в ст. 21 король отдельно оговаривается, что он, покидая пределы Чехии, не назначит наместником иноземца. Свое обещание он обосновывает тем, что «об этом нас просили», т. е. подчеркивает свое понимание просьб сословий и благосклонное к ним отношение¹⁷⁴. Все эти статьи, в которых говорится об иноземцах, не только перекликаются с требованиями «23 статей», но содержат еще большие обещания. В 1419 г. требования были намного мягче: в них просили всего лишь допустить чехов к власти там, где их было большинство, а о первом и третьем требованиях не было и речи.

С какими-то из статей король оказался готов согласиться полностью, с какими-то частично, пытаясь свести уступки к минимуму, какие-то обходил молчанием, какие-то открыто отвергал. В грамоте появились и обещания, на которых гуситы никак не настаивали: они были инициативой короля. Это вдвойне примечательно, ибо свидетельствует о его активной позиции на переговорах со своими своевольными подданными.

Состоявшаяся в Йиглаве церемония чрезвычайно тщательно готовилась еще с середины 1435 г., когда обсуждались не только условия соглашения, но и ее внешняя форма. Она была

¹⁷⁴ Archiv Český. Dil. III. S. 448.

чрезвычайно важной. М. А. Бойцов в статье, посвященной избранию Сигизмунда Люксембургского римским королем, назвал торжественные акты подобного рода «публичными “псевдо-импровизациями”». «Действие, — поясняет автор, — на первый взгляд спонтанное и случайное (именно так оно и рисуется обычно хронистами), оказывается при ближайшем рассмотрении очень хорошо подготовленным и разыгранным как по нотам». «“Инсценированные импровизации”, столь хорошо запоминавшиеся современниками, являлись в преимущественно бесписьменном обществе *формой опубликования* уже загодя принятых решений, достигнутых компромиссов»¹⁷⁵.

Заключение мира между вассалом и сеньором, а также и в особенности примирение с церковью раскаявшегося грешника осуществлялись посредством ритуала «публичного уничтожения виновного (побежденного)»¹⁷⁶. Формы ритуала включали в себя *poenitentia*, *sacramentum reconciliationis*, *lamentatio* (раскаяние, таинство примирения и плач). Все его элементы: одевание участников — простая рубаха кающегося грешника, и слова — признание грехов и мольбы о милосердии и пощаде — были свидетельствами смирения одной из сторон¹⁷⁷. Для Базельского собора и Сигизмунда было бы очень соблазнительно, если бы возвращение гуситов в лоно церкви и под скипетр императора было обставлено подобным образом. Однако йиглавская церемония выглядела совершенно иначе, не будучи ни «импровизацией» (даже инсценированной), ни уничтожением. Центральное место в ней занимал обмен грамотами, зачитанными от лица собора, императора и чешских сословий. Император и земский правитель Чехии Алеш Вржештовский были представлены на равных, так что достоинство гуситской стороны никоим образом не было умалено. В глазах самих гуситов, так же как и в глазах их противников,

¹⁷⁵ Бойцов М.А. Ребенок и глупец избрали короля... // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. 1996. М., 1997. С. 117–118.

¹⁷⁶ Moeglin J.-M. Pénitence publique et amende honorable au Moyen Age // Revue Historique. 1997. Vol. 604. Oct.–dec. Paris, 1998. P. 225.

¹⁷⁷ Ibid. P. 243.

такая форма примирения не могла выглядеть чем-то иным, нежели равноправным договором.

Остается вопрос: почему за полтора десятилетия до торжественного примирения в Йиглаве договориться было невозможно? Одна из вполне вероятных гипотез может быть основана на наблюдении Ф. Шмагеля: восстание панов (1394–1405) против короля Вацлава IV завершилось примирением сторон на довольно мягких условиях, немыслимых в момент его начала. За это десятилетие в лучший мир отошли главные противники короля. Наследники чаще всего не имели столь же тяжелых личных обид на него, сколь их предшественники, продолжали борьбу скорее по инерции и в большей степени склонялись к компромиссу¹⁷⁸. Что-то похожее произошло и в гуситском движении. Наиболее яростные противники Сигизмунда (Ян Жижка или Прокоп Великий) ко времени заключения Йиглавских соглашений сошли с политической сцены. Последний из непримиримых — гетман полевых войск таборитов Ян Рогач из Дуба — утратил к тому времени союзников и влияние на события. Ничто и никто не помешал Сигизмунду год спустя захватить последнее убежище своего врага — замок Сион — и отправиться там с Яном Рогачем и его уцелевшими сторонниками.

Что же касается гуситских священников, поборников реформы, соглашение могло отнюдь не означать отказа от дальнейших переговоров о ее судьбе. В 1437 г. делегация пражских магистров во главе с умереннейшим Яном Пржибрамом пыталась добиться в Базеле признания причащения под обоими видами необходимым для спасения, но не преуспела. Церковь считала, что и без того уступила многое, тем более и отказ Пржибраму едва ли мог вызвать в Чехии недовольство. Но факт остается фактом: от надежды распространить свое учение о чаше на весь христианский мир гуситы не отказались.

Сравнивая маестат 1436 г. с предшествующими документами, регулярно появлявшимися на протяжении всех гуситских войн, можно сказать: их основное отличие заключается в том, что все

¹⁷⁸ Šmahel F. Obrisy českého stavovství od konce 14. století do počátku 16. století // Český časopis historický. 1992. T. 90. Ses. 2. S. 166.

они, начиная с «23 статей» 1419 г., относятся к разряду манифестов, адресованных либо королю, либо «всем, кто эти страницы увидит», тогда как грамота 1436 г. — ответ короля на требования сословий. Существенная часть этих требований сохранилась на всем протяжении гуситских войн, что лишний раз доказывает их важность для чешского общества. Король, согласившись принять некоторые из них, явно делал это в расчете на признание чешских сословий. Уступки, на которые он обещал пойти, были, как можно считать, наиболее для них желанны. Другой вопрос: намеревался ли правитель свои обещания выполнить. Разумеется, обещание как средство политической борьбы зачастую не предполагает его исполнения. Далеко не всегда политический деятель готов даже на словах обещать то, что от него хотели бы услышать. Однако на склоне лет Сигизмунд III пришел к пониманию подобной необходимости.

Манифесты появились до соглашения с Церковью в виде компактатов, грамота — после. Это второе главное отличие в условиях создания документа. Таким образом, он является детализацией ранее заключенного договора.

По всей видимости, искать в компактатах окончательный ответ на вопрос: кто победил в гуситских войнах — значит упрощать представление о взаимоотношениях чехов с Церковью и империей. Компактаты были эпизодом долгой, непростой истории ранней Реформации в Чехии, которая продолжалась до времен, когда земли короны св. Вацлава были затронуты уже новой Реформацией XVI в. Они зафиксировали соотношение сил, ставшее реальностью в первой трети XV в. Каждая из участвовавших в их выработке и принятии сторон могла трактовать их в свою пользу, надеясь на пересмотр этих соглашений, воспринимаемых как временные, в обозримом будущем.

Источники и литература

Бойцов М.А. Ребенок и глупец избрали короля... // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. 1996. М., 1997. С. 111–136.

Лаврентий из Бржезовой. Гуситская хроника / Изд. Й. Мацек; пер. с чешского В. С. Соколова. М., 1962.

Лаптева Л.П. Гуситское движение в Чехии XV в. М., 1990.

Мацек Й. Табор в гуситском революционном движении. М., 1956.

Озолин А.И. Бюргерская оппозиция в гуситском движении. Саратов, 1973.

Озолин А.И. Пражане и табориты. Б. м., б. г.

Рандин А.В. Гуситская революция и Пражский университет. Йошкар-Ола, 1994.

Рандин А.В. Роль Пражского университета в гуситском движении. М., 1987.

Рубцов Б.Т. Подвиги таборитов. М., 1961.

Флоринский Т.Д. Пособие к лекциям по истории Чехии. Киев, 1915.

Флоровский А.В. Чехи и восточные славяне. (Очерки по истории чешско-русских отношений X–XVIII вв.) // *Práce slovanského ústavu v Praze.* Praha, 1935. Sv. XIII.

Archiv Český / Ed. F. Palacký. Praha, 1844. Dil. III.

Bartoš F.M. Husitska revoluce. II. Vlada bratrstev a její pad, 1428–1437. Praha, 1966.

Bartoš F. M. O čest taborskeho hejtmana // Jihočeský sborník historický. N 22. Praha, 1953. S. 77–81.

Boubin Ja. Tri korybutovske pisemnosti: Materialova studie a edici // Folia Historica Bohemica. Praha, 1982. Vol. 4. S. 219–232.

Brock P. The political and social doctrines of the unity of the Czech Brethren in the 15th and early 16th centuries. London, 1957.

Čornej P. Tajemství českých kronik. Praha, 1987.

Eberhard Windeckes Denkwürdigkeiten zur Geschichte des Zeitalters Kaiser Sigmunds / Hrsg. W. Altmann. Berlin, 1893.

Heymann F. G. John Zizka and the Hussite Revolution. 2nd ed. New York, 1962.

Hlavaček I. Husitske sněmy // Sborník Historický. Praha, 1956. T. IV. S. 71–109.

Hoffmann F. K počatku Tabora // Československý časopis historický. 1967. T. 15. Ses. 1.

Holmes G. Europe: Hierarchy and Revolt, 1320–1450. 2nd ed. Fontana, 1978.

Hruby V. Matej Louda z Chlumčan, husitský hejtman města Písku // Jihočeský sborník historický. 1978. T. 47. Ses. 2–4.

Kavka F. Zikmundova politika let 1429–1434 a husitství // Husitský Tabor. 1985. N 8. S. 89–105.

Kejř J. Česka otázka na basilejskem koncilu // Husitský Tabor. 1985. N 8. S. 107–132.

Kejř J. Mistři prazske univerzity a knezi taborsti. Praha, 1981.

Kejř J. Vznik městskeho zřízení v Tabore // Jihočeský sborník historický. 1971. N 40. S. 137–172.

Listař a listinař Oldřicha z Rožmberka 1418–1462. Dil. I (1418–1437). Praha, 1929.

Machilek F. Die hussitische Forderung nach öffentlichen Gehor und der beheimsteiner Vertrag von 1430 // Husitství. Reformace. Renaissance. Sborník k 60. narozeninám F. Šmahela / Uspor. J. Panek, M. Polivka, N. Reichtova. Praha, 1994. S. 503–527.

Macek J. Prokop Veliký. Praha, 1953.

Matouš F. Jan Hus ve svycarských kronikach 15. a 16. století // Jan Hus mezi epochami narody a konfesemi (Sborník z mezinarodni-

ho simpozia konaneho 22–26 zari 1993 v Bayreuthu) / Vyd. J. B. Lašek. Praha, 1995. S. 285–289.

Moeglin J.-M. Pénitence publique et amende honorable au Moyen Age // *Revue Historique*. N 604. Oct.–dec. 1997. Paris, 1998. P. 225–269.

Moravec M. Zastavy Zikmunda Lucemburskeho v Ceskych zemich z let 1420–1437 // *Folia Historica Bohemica*. Praha, 1985. N 9. S. 89–173.

Palacký F. Dejiny národu českého. Díl. III. Praha: Odeon, 1968.

Pekař J. Žižka a jeho doba. Praha, 1992. Díl. III.

Segovia J. de. Historia gestorum generalis synodi basiliensis / Ed. E. Birk in *Monumenta Conciliorum Generales saeculi XV*. Vindobonae, 1873. T. II.

Slavík J. Husitské revoluce: Studie historicko-sociologické. Praha, 1934.

Šmahel F. Husitska revoluce. Praha, 1993. T. III.

Šmahel F. La révolution hussite une anomalie historique. Paris, 1985.

Šmahel F. Obrisy českého stavovství od konce 14. století do počátku 16. století // *Český Časopis Historický*. 1992. T. 90. Ses. 2.

Šmahel F. Taborští vladaři // *Folia Historica Bohemica*. 1982. Vol. 4. S. 7–13.

Urban J. Hynek Krušina z Lichtenburka a husitska revoluce // *Folia Historica Bohemica*. Praha, 1982. Vol. 4. S. 46–66.

Urbanek R. Z husitského věku. Vybor historických úvah a studie. Praha, 1957.

Urkundliche Beiträge zur Geschichte des Hussitenkrieges / Ed. F. Palacky. Prag, 1872. T. II.

Výbor z české literatury doby husitské / Sest. B. Havranek, J. Hrabat, J. Danhelka. Praha, 1964.